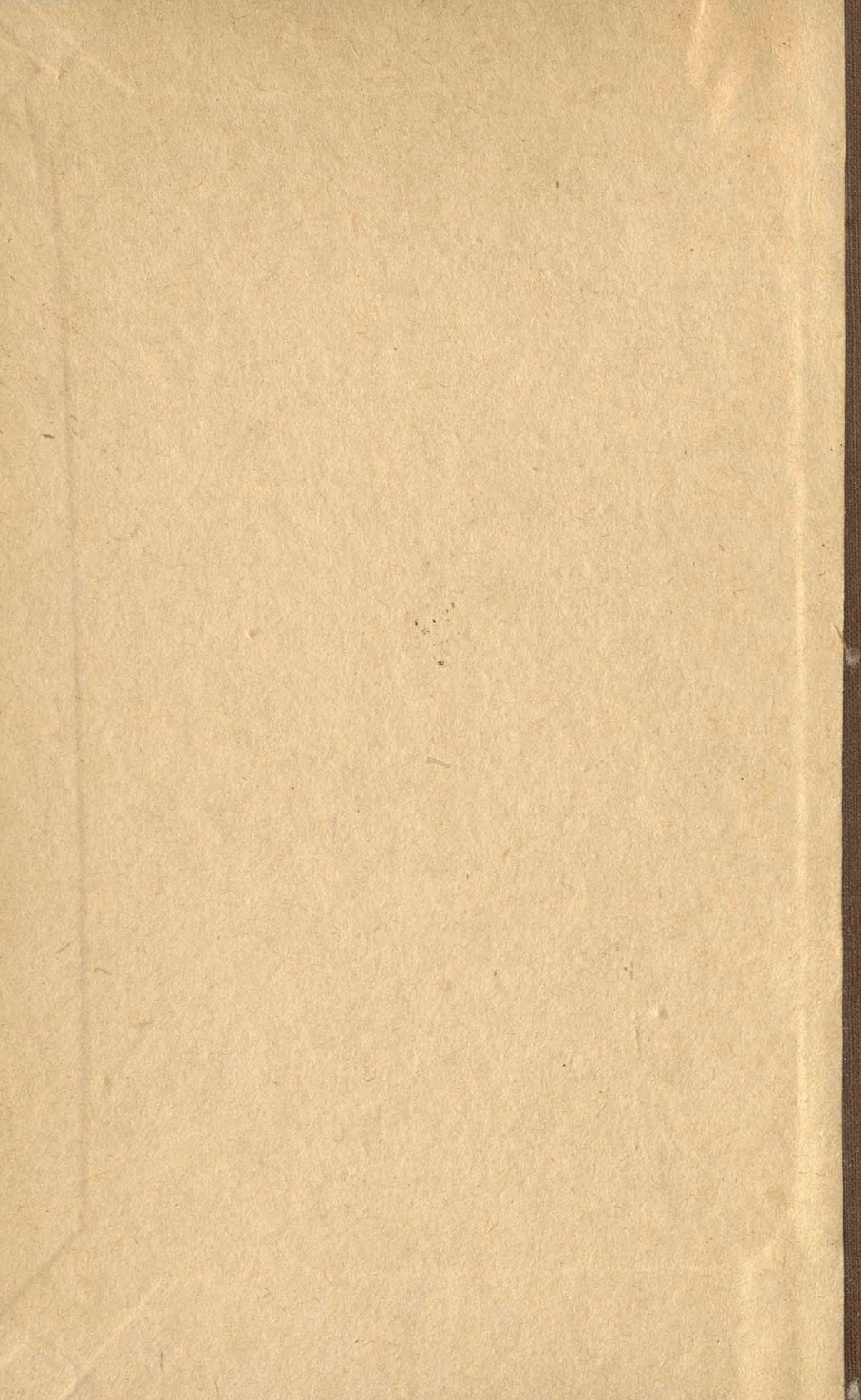

У $\frac{80}{334}$

Гаденко.

КУБАНСКІЙ

ПАМЯТНИКЪ

ЗАПОРОЖСКИМЪ КАЗАКАМЪ

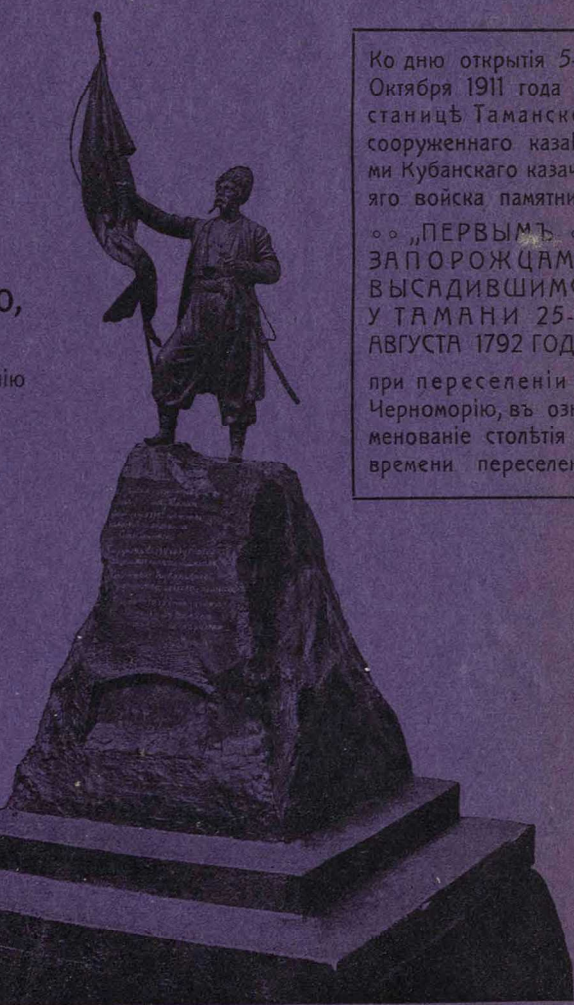
СОСТАВИЛЪ

Есауль

К. П. ГАДЕНКО,

членъ и секретарь

Комитета по сооружеію
памятника.

Ко дню открытія 5-го
Октября 1911 года въ
станицѣ Таманской
сооруженнаго казака-
ми Кубанскаго казачья
войска памятника

«ПЕРВЫМЪ
ЗАПОРОЖЦАМЪ,
ВЫСАДИВШИМСЯ
У ТАМАНИ 25-го
АВГУСТА 1792 ГОДА»

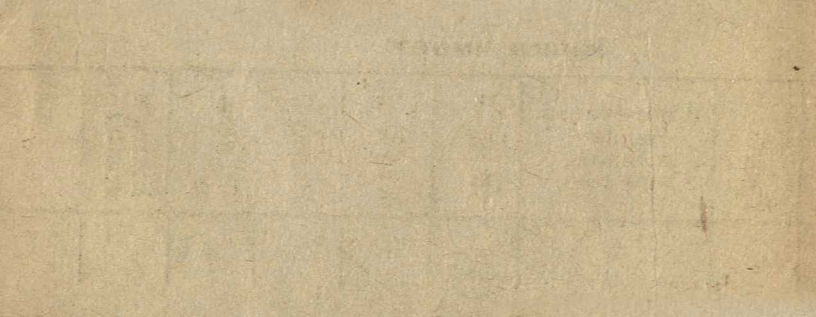
при переселеніи въ
Черноморію, въ озна-
менованіе столѣтія со
времени переселенія.

Книга имеет:

62

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
6					9	121	567

+ 1 прокол

КУБАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ

Снимокъ реставрированной Покровской церкви, по техническимъ условиямъ, не могъ быть помѣщенъ въ этой брошюрѣ. Имѣющіе настоящую брошюру и желающіе получить этотъ снимокъ благоволятъ сообщить свой адресъ Войсковому Штабу.

42586-0

2007335189

Его Императорское Величество
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ II.

АВГУСТЫЙШІЙ Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ
Его Императорское Высочество
НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II,

въ царствованіе коей состоялось пожалованіе запорожцамъ земли
и переселеніе запорожцевъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

въ надсмотраніи коеи составляетъ пожизненное заповѣданіе земли
и переселеніи заповѣдья.

И 80
334

КУБАНСКИЙ

ПАМЯТНИКЪ

ЗАПОРОЖСКИМЪ КАЗАКАМЪ

Ко дню открытія 5-го Октября 1911 года въ станицѣ Таманской сооруженнаго казаками Кубанскаго казачьяго войска памятника „ПЕРВЫМЪ ЗАПОРОЖЦАМЪ, ВЫСАДИВШИМСЯ — У ТАМАНИ 25-го АВГУСТА 1792 ГОДА“ — при переселеніи въ Черноморію, въ ознаменованіе столѣтія, со времени переселенія.

== СОСТАВИЛЪ ==
Есауль К. П. ГАДЕНКО

членъ и секретарь Комитета по сооруженію памятника.

ХИ 35859

ЕКАТЕРИНОДАРЬ.
Электро-Типогр. Т-ва „Печатникъ“.

1911.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ

ПАМЯТНИКЪ

ЗАПОРОЖСКИМЪ КАЗАКАМЪ

Печатано по распоряженію Наказнаго Атамана Кубанскаго казачьяго войска.

28 Августа 1911 года. Городъ Екатеринодаръ.

Составилъ
Есаулъ К. П. ГАДЕНКО
членъ и секретарь Комитета по сохраненію памятника

1911

ЕКАТЕРИНОДАРЪ
Литографія Т. В. Пешкова

1911

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая скромная брошюра составлена въ цѣляхъ весьма скромныхъ. Составитель, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, читателей ея рядовое казачество и особенно дѣтей, нашу будущую гордость и надежду, поставилъ себѣ задачу въ короткихъ словахъ напомнить роднымъ Кубанцамъ о славныхъ нашихъ предкахъ запорожцахъ, дивныхъ рыцаряхъ долга и защитникахъ вѣры православной; о славной Украинѣ — колыбели казачества и о нашихъ дѣдахъ и отцахъ, переселившихся на Кубань, въ честь коихъ воздвигнуть въ станицѣ Таманской памятникъ, имѣющій быть открытымъ 5 октября 1911 г.

Кому дорога и любя слава и честь Кубанскаго войска, тотъ пойметъ все историческое и воспитательное значеніе этого памятника, который можетъ и долженъ считаться признательнымъ дѣломъ Кубанцевъ по отношенію предковъ Запорожцевъ, трудами и кровью коихъ добытъ нашъ цвѣтущій край, по праву считающійся житницей Россіи.

Въ данное время вся Кубанская область усѣяна большими городами и станицами, съ громаднымъ населеніемъ, мирно занимающимся добычей своего благосостоянія.

Мы слышимъ теперь свистокъ паровоза, гудки заводовъ и шумъ машинъ, работающих не только на поверхности земли, но проникающихъ уже и въ нѣдра ея. Все это несомнѣнно указываетъ на богатство края и производительность его населенія.

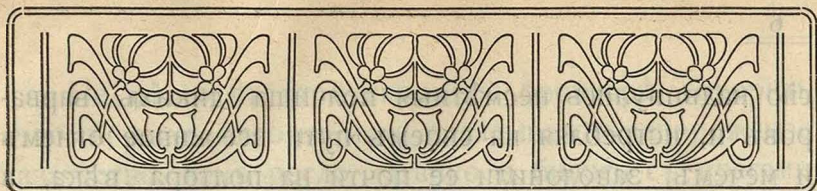
Это теперь, а что было не только сто лѣтъ тому назадъ, но даже значительно позже? Вспомните, Кубанцы-старики, и расскажите объ этомъ своимъ дѣтямъ, и тогда они поймутъ и оцѣнятъ во всей полнотѣ труда, потъ и кровь тѣхъ, кто добылъ намъ этотъ богатый край и положилъ краугольный камень нашего теперешняго благосостоянія.

Учитесь, брати моі,
 Учитесь, читайте,
 І чужому научайтесь,
 Й свого не цурайтесь:
 Бо хто матір забуває,
 Того Богъ карає.

Обніміте ж, брати моі,
 Найменьшого брата,
 І оживе добра слава,
 Слава України,
 І світ ясний, не вечерній
 Тихенько засяє....
 Обніміться-ж, брати моі,
 Молю вас, благаю.

Шевченко.

== I. ==

В Україну ідїть, діти,
В нашу Україну:
Там найдете щире серце
І слово ласкаве,
Там найдете щирю правду
А ше, може, й славу....

Шевченко.

Украина. Родное и дорогое для насъ, Кубанцевъ, слово.

Сколько жгуче-грустныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и беззавѣтно веселыхъ воспоминаній невольнo должно навѣваться въ нашемъ воображеніи при воспоминаніи объ Украинѣ—колыбели всего вообще казачества, а нашей, Кубанцевъ, въ особенности, какъ прямыхъ потомковъ славныхъ запорожцевъ. Во всей обширной матушкѣ Россіи, съ увѣренностью можно сказать, едва-ли найдется болѣе многозначительный уголокъ по своему прошлому, какъ прекрасная и многострадальная Украина, родина нашихъ предковъ.

Тамъ, что ни шагъ, то и понынѣ остались неизгладимые слѣды о далекомъ славномъ прошломъ, о геройской борьбѣ достойныхъ вѣчной славы чудобогатырей, не щадившихъ своихъ жизней на защиту казачьихъ вольностей и вѣры православной.

Борьба эта велась не день и не два, она велась на Украинѣ вѣками, передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію. Сколько легло тамъ головъ, сколько пролито крови—это трудно сказать.

Еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, изъ глубинъ азіатскихъ степей, черными тучами на нашу мать Рос-

сію надвинулись несмѣтныя полчища дикихъ варваровъ и, истребляя на своемъ пути все живое огнемъ и мечемъ, заволокли ее почти на полтора вѣка, а на Украинѣ на многіе вѣка погубили свободное ея развитіе, за что велась упорная, долгая и безпощадная борьба.

Тутъ середины не было: надо было или побѣдить, или быть побѣжденными.

Но живъ Богъ христіанскій! Онъ, по неисповѣдимому Своему промыслу, хоть и не разъ посылалъ на Украину тяжкія испытанія, а все-же въ концѣ-концовъ она выходила побѣдительницей и тѣмъ самымъ давала возможность формироваться и крѣпнуть нашей обширной отчизнѣ.

Являясь, такимъ образомъ, оплотомъ Россіи отъ нашествія на нее азіатскихъ народностей и принимая на себя первые удары, Украина, только въ силу сложившихся обстоятельствъ, и могла быть населена такими людьми, которые страха не страшились, бури не боялись, а шли смѣло на борьбу со врагомъ, съ готовностью скорѣе сложить свои головы, чѣмъ согнуть шею подъ ярмо неволи.

Такъ, по волѣ судьбы, формировался украинскій вольный народъ и сильное духомъ и могучее тѣломъ запорожское казачество.

Кто не слыхалъ о подвигахъ чубатыхъ запорожцевъ? Кому не извѣстно, какъ они, живя за Днѣпровскими порогами въ своей крѣпости Сѣчи, цѣлыя сотни лѣтъ обороняли Украину, а слѣдовательно и нашу мать Россію, отъ татаръ, турокъ и поляковъ?

Весь христіанскій міръ смотрѣлъ на нихъ, какъ на защитниковъ Св. Креста, и даже далекіе западные короли, ведя борьбу съ мусульманами, не разъ пользовались помощью запорожцевъ.

Не мѣсто въ этой скромной брошюрѣ говорить о томъ, какъ мало-по-малу складывалось запорожское казачество, какъ росло, крѣпко и билось съ врагами своей родины подъ предводительствомъ историческихъ героевъ: Князя Вишневецкаго (казака Байды) и Гетмановъ: Наливайки, Сагайдачнаго, Гуни, Джумайла, Скидана, Богдана Хмельницкаго и другихъ не менѣ славныхъ. Какъ въ тяжелыя минуты, когда приходилось запорожцамъ, подъ ударами злого рока, разставаться съ вольной волюшкой, они брали свои регалии да Св. Икону „Матір Божу Покров“, дважды „мандрували“ къ невѣрному турку въ подданство и дважды, черезъ много лѣтъ, опять возвращались на „тихіі води, на ясні зорі, в край хрещений, в мир веселий“.

Скажемъ лишь, что запорожцы, составляя собой братскій союзъ вольныхъ людей и не признавая надъ собой ничьего подданства, имѣли свой особый укладъ жизни, свои особые законы и обычаи, при наличіи и сохраненіи коихъ они не могли войти въ составъ государства, гдѣ права и обязанности и воля cadaго подданнаго сильно ограничены законами. Это съ одной стороны, а съ другой, нежеланіе запорожцевъ подчиниться русской державѣ, безъ сохраненія своихъ вольностей и своего особаго уклада жизни, привели къ тому, что 5 іюня 1775 года, въ царствованіе Великой Императрицы Екатерины Второй, запорожская „Січ“ была раззорена окончательно.

Самая небольшая часть запорожцевъ смирилась передъ этимъ и разбрелась по хуторамъ и селамъ. Большинство же запорожцевъ вмѣсто арестованнаго Кошевого Калнишевскаго избрало себѣ друго-го „паномъ атаманомъ“ братчика Ляха и на тѣхъ-же утлыхъ челнокахъ, „чайкахъ“, на которыхъ они не

разъ „ходили на Турка“, поплыли къ тому же „не-
вѣрному турку“ на поклонъ съ просьбой: „прими
братчикѣвъ сіромах, будемо вѣрно служби служити“, и
„турокъ“ ихъ принялъ и поселилъ за „тихим Ду-
наем“, такъ напоминавшимъ имъ родной „Днѣпр ши-
рокій“.

Но запорожцы уходя пѣли:

„Наступае чорна хмара,
Иде дощик з неба,
Зруйнували Запорожжя,
Буде колись треба.“

Пѣли дѣды и батьки наши эту грустную пѣсню
и крѣпко вѣрили, что они вновь нужны будутъ ма-
тери Россіи, что разореніе ихъ не что иное, какъ
печальное затменіе умовъ тогдашнихъ правителей,
что скоро, дастъ Богъ, разсѣются черныя хмары, и
опять выглянетъ ясное солнышко, и вновь позовутъ
ихъ на службу туда, гдѣ почиють славныя кости ихъ
дѣдовъ и прадѣдовъ.

И чубатые „бѣдолахи и сіроми“ запорожцы не
ошиблись.

Въ 1787 году Турція неожиданно объявила Рос-
сіи войну. Въ это время организація російскихъ
войскъ Княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ
находилась еще въ зачаткѣ.

Тутъ невольно Князь Потемкинъ долженъ
былъ обратить свое вниманіе на бывшихъ запорож-
цевъ, жившихъ по разореніи родной Сѣчи по всему
Новороссійскому краю и за Дунаемъ. Кто же луч-
ше, какъ не сичевики, постоянно воевавшіе съ тата-
рами и турками, знали послѣднихъ? Кто лучше запо-
рожцевъ могъ достать языка и вывѣдать планы воен-
ныхъ дѣйствій турокъ? Все это говорило за то, что
запорожцевъ опять „треба“, и что безъ нихъ веде-

деніе неожиданной войны является дѣломъ весьма затруднительнымъ и опаснымъ.

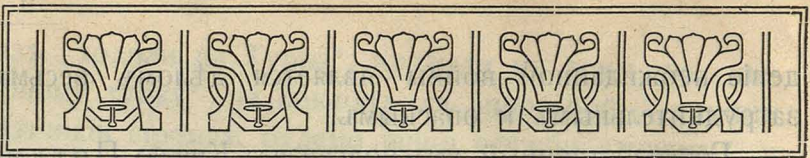
Государственный умъ подсказалъ Князю Потемкину-Таврическому о допущенной имъ ошибкѣ разоренія запорожцевъ и необходимости исправить ее, чѣмъ съ одной стороны Россія приобрѣтала опытныхъ бойцевъ съ турками, а съ другой—возлагалась большая надежда на возвращеніе казаковъ, ушедшихъ въ Турцію, и такимъ образомъ получить вмѣсто враговъ—соратниковъ.

Въ томъ-же 1787 г. 31 января ордеромъ на имя Сидора Бѣлого, Князь Потемкинъ разрѣшилъ собрать для выбора старшины раду и обѣщаль для поселенія войска дать земли въ Керченскомъ кутѣ или на Тамани.

Съ этого времени запорожцы получаютъ могучаго для себя покровителя въ лицѣ всесильнаго Князя Потемкина-Таврическаго, прозваннаго сичевиками „Грицькомъ Нечесой“, и подъ его высокимъ руководствомъ и покровительствомъ наступаетъ вновь возрожденіе запорожскаго казачества. Вновь постепенно среди черныхъ хмарь выступаетъ для нихъ ясное солнышко, которое окончательно прояснилось, стало свѣтить и свѣтитъ и понынѣ уже въ нашей Черноморіи, вошедшей въ составъ нашего родного Кубанскаго казачьяго войска.

Кому-же всецѣло мы этимъ обязаны и какъ это достигнуто, мы увидимъ изъ слѣдующаго краткаго изложенія.

— II. —

Тепер, кажуть, в Слободзеі
Останки збирає
Головатий та на Кубань
Хлопців підмовляє...
Нехай ему Богъ поможе.
А що с того буде,
Святий знає; почуємо,
Що розкажуть люде.

Шевченко.

На родинѣ запорожцевъ, въ числѣ не ушедшихъ въ Турцію сичевиковъ, остались запорожскіе старшины: маіоръ Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлый, состоявшій Херсонскимъ предводителемъ дворянства, полковникъ арміи Захарій Алексѣевичъ Чепига и секундъ-маіоръ Антонъ Андреевичъ Головатый.

Это тѣ три лица, добрая память коихъ на вѣчныя времена должна остаться у насъ, Кубанцевъ, такъ какъ именно имъ мы и обязаны всѣмъ тѣмъ, что имѣемъ теперь.

На глазахъ ихъ произошло разореніе гнѣзда запорожцевъ, „Січі“. Крѣпко скорбѣли ихъ казацкія души о случившемся, о несчастной и горестной долѣ родного войска, о горестномъ житѣ братчиковъ, „помандрувавшихъ до турка“, и завѣтной мечтой было у нихъ вновь возродить славное запорожское войско, что, какъ мы теперь видимъ, имъ и удалось.

Въ Кременчугѣ, во время путешествія въ Крымъ Императрицы Екатерины II, названныя лица поднесли ей адресъ со слезной просьбой за войско, ходатайствуя о призывѣ его вновь на службу для защиты дорогой имъ родины.

Ходатайство это было поддержано всесильнымъ вельможей Княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ и въ результатѣ послѣднимъ былъ данъ ордеръ отъ 31 января 1787 г., о которомъ упомянуто выше.

Ордеромъ этимъ было разрѣшено собрать въ Васильковѣ раду для выбора казацкой старшины и произвести запись „охочихъ служить въ казакахъ“.

При чемъ милость эта распространилась и на тѣхъ, которые „помандрували“ въ Турцію.

О сборѣ и записи казаковъ изъ Екатеринославскаго Намѣстничества былъ разосланъ во всѣ населенные пункты указъ, въ которомъ сказано: „Подполковникъ Сидоръ Бѣлый назначенъ Войсковымъ Атаманомъ вѣрныхъ казаковъ и велѣно ему учредить свой Кошъ на Збуріевской сторонѣ, принимая и записывая въ оный всѣхъ тѣхъ, кои прежде въ войскѣ бывшемъ запорожскомъ служили и повелѣваемъ, чтобы всѣ желающіе служить въ оный Кошъ изъ бывшихъ запорожцевъ явились: пѣшіе у Войскового Атамана Сидора Бѣлаго на Збуріевской сторонѣ, а конные у Полковника, арміи секунд-маіора, Чепиги на Громоклѣ“.

„Премьеръ-маіоръ Антонъ Головатый, въ уваженіе усердія и многихъ опытовъ ревности къ службѣ Ея Императорскаго Величества, утверждается Полковникомъ при войскѣ вѣрныхъ казаковъ и отправляется въ селенія бывшихъ запорожцевъ принимать всѣхъ желающихъ прежде въ Кошѣ служившихъ казаковъ, записывая ихъ въ число вѣрныхъ“.

Какъ только стало извѣстно объ этомъ, замутили казаки, тысячами „сыпнули“ въ урочище Васильково на вольную стародавнюю казацкую раду.

Вновь забились ихъ сердца въ надеждѣ на лучшую долю.

Съ какой охотой шли казаки на службу, всего лучше видно изъ того, что къ началу войны съ Турціей ихъ собралось около 12 тысячъ человѣкъ.

Въ урочищѣ Васильково былъ учрежденъ Кошъ вновь возродившагося запорожскаго войска, которое получило названіе „войска вѣрныхъ казаковъ запорожцевъ“.

Эти три лица—Сидоръ Бѣлый, Захарій Чепига и Антонъ Головатый, а особенно послѣдній, какъ то будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, и были инициаторами возрожденія запорожскаго войска, его первыми правителями и его первыми военачальниками.

Дѣйствуя конно и въ пѣшемъ строю, войско вѣрныхъ казаковъ получаетъ также и лодки и образуетъ гребную флотилію.

Съ первыми шагами военныхъ дѣйствій Русской арміи противъ турокъ связаны и первые особо значительные подвиги войска вѣрныхъ казаковъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

При осадѣ Измаила, Очакова, подѣ Гаджибеемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ запорожцы творили чудеса храбрости, а особенно отличились при взятіи крѣпости Березани, которую не удалось взять и великому Суворову. Словомъ въ эту войну казаки во всю ширь своей вѣрной и боевой службой показали что ихъ „треба“, и что они остались по прежнему вѣрными своему стародавнему рыцарскому долгу—защитѣ отъ „невѣрныхъ“ своей отчизны и вѣры православной.

Но кончилась война, а съ ней вмѣстѣ прошла и острая надобность въ войскѣ вѣрныхъ казаковъ, по-

лучившихъ уже въ то время отъ Князя Потемкина-Таврическаго наименованіе „Черноморскихъ“.

Участь казаковъ снова стала неопредѣленной. Каждый „сірома“ крѣпко задумывался о томъ, дадутъ-ли и когда обѣщанную землю.

Императрица Екатерина II, разрѣшая призвать на службу бывшихъ запорожцевъ, указала имъ для поселенія, какъ упоминалось выше, земли на Таманскомъ островѣ или въ Керченскомъ кутѣ.

Мѣста эти находились далеко отъ теперешняго пребыванія и службы Черноморцевъ, поэтому, конечно, трудно имъ было, неся постоянную службу, въ то-же время устраиваться на указанныхъ мѣстахъ.

Все это видѣль и сознавалъ могучій покровитель казаковъ Князь Потемкинъ-Таврической, а поэтому, желая удержать на службѣ казаковъ, уже въ достаточной мѣрѣ выказавшихъ себя беззавѣтно-преданными и храбрыми бойцами, онъ исходатайствовалъ для временнаго поселенія ихъ земли поближе къ только что бывшему театру военныхъ дѣйствій, а именно земли, взятая у Турокъ и находящаяся между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ, гдѣ казаки и начали селиться, основавъ свой кошъ въ Слабодзеѣ-Руфѣ.

Земли тутъ было много, но для поселенія запорожцевъ оказалось мало, такъ какъ многое уже было захвачено быстро поселившимися помѣщиками. А тутъ приключилась и новая для казаковъ бѣда. Съ окончаніемъ войны съ Турціей смерть уноситъ всемогущаго покровителя Черноморцевъ, въ то время уже Гетмана всѣхъ казачьихъ войскъ, Князя Потемкина-Таврическаго,

Эта утрата весьма скорбно отозвалась въ сердцахъ казаковъ, а между тѣмъ количество ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось.

Крѣпко призадумались Черноморцы о своемъ неопредѣленномъ и тяжеломъ положеніи. Вновь закручинились чубатые головы о землѣ, которой тутъ недоставало, а на указанную землю у Тамани не было никакой жалованной грамоты.

И вотъ въ такую-то трудную минуту и сослужилъ для нашихъ предковъ, Черноморцевъ, славную службу войсковой судья Антонъ Андреевичъ Головатый.

Еще въ годы существованія Сѣчи, Головатый, будучи образованнымъ по тому времени человѣкомъ, съ глубокимъ, свѣтлымъ и дальновиднымъ умомъ, неоднократно по дѣламъ войска бывалъ въ Петербургѣ; зналъ хорошо нравы и обычаи тогдашней придворной знати; зналъ къ кому, какъ и съ чѣмъ подступиться, кого просто просить, а кому преподнести въ „подарунокъ“ осетра и балыка, а кому и дорогого коня.

Наряду съ этимъ Головатый, какъ говоритъ исторія, еще дивно игралъ на бандурѣ и прекрасно пѣлъ имъ-же сочиненныя пѣсни о горькой казачьей долѣ.

Всѣ эти личные качества Антона Андреевича и выказанная имъ отвага и храбрость, какъ военачальника, въ бывшихъ только что боевыхъ дѣйствіяхъ, создали ему большую популярность среди Черноморцевъ, которые на радѣ въ Слободзеѣ 29 февраля 1792 года, собранной кошевымъ атаманомъ Чепигой для обсужденія создавашагося тягостнаго положенія рѣшили отправить къ Царицѣ съ скорбнымъ прошеніемъ отъ войскового коша Черноморцевъ депута-

цію, во главѣ которой, по общему и единогласному рѣшенію, былъ поставленъ Головатый.

Трудное было положеніе Головатаго, но онъ, будучи всей душой преданнымъ идеѣ возрожденія казачества, не могъ противиться такому важному, отвѣтственному и вмѣстѣ съ тѣмъ и почетному избранію, это съ одной стороны, а съ другой—„гласъ народа—гласъ Божій“, говоритъ мудрая пословица: все войско избрало его представителемъ и ходатаемъ у Царицы, слѣдовательно, противиться общему избранію—значить противиться волѣ Божіей. Будучи же, по свидѣтельству историка, человѣкомъ набожнымъ, Головатый не могъ и не смѣлъ идти противъ воли Божіей и войскового „товариства“.

Такъ съ разрѣшенія начальника края, генералъ-аншефа Каховскаго, была отправлена къ Великой Царицѣ депутація съ слезной просьбой, составленной тутъ-же на радѣ, въ которой Черноморцы, излагая вкратцѣ свои заслуги въ послѣднюю войну съ Турціей и свое скорбное и неустроенное положеніе и на будущую службу, какую казаки могутъ оказать при устройствѣ ихъ прочно, говорятъ:

„Прибѣгая подъ покровительство Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше рабски просимъ: насъ, войско, во всегдашнее свое Монаршее благоволеніе матерски принявъ, для поселенія на Тамани съ окрестностями оной милостиво повелѣть отвести выгодныя земли, такъ достаточно, чтобы имѣющее быть приумноженіе сему войску безнуждно помѣщаться могло и на вѣрно спокойное потомственное оною владѣніе, отправленному за симъ избранному отъ насъ войсковому судѣ, арміи Полковнику Антону Головатому, съ старшинами Высо-

чайшую Вашего Императорскаго Величества милостивую грамоту выдать“....

Съ такой слезницей отправило „товариство“ Головатаго къ Царицѣ, давъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и особую инструкцію, въ которой точно указывалось, чего просить и чего добиваться.

Кто составлялъ прошеніе, сказать трудно, но по нѣкоторымъ даннымъ составлялъ его все тотъ-же Антонъ Андреевичъ.

Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что прошеніе это составлено весьма „политично“ и несомнѣнно человѣкомъ, обладающимъ дальновиднымъ умомъ. А таковымъ на лицо тогда былъ одинъ Головатый.

Чтобы судить о политичности и глубокомъ смыслѣ прошенія, надо только вспомнить, что раньше была обѣщана земля для поселенія вѣрныхъ казаковъ лишь у Тамани или у Керченскаго кута.

Что это была за земля и сколько ея было Черноморцы не знали, но до нихъ доходили свѣдѣнія, что на одной сторонѣ пролива земли каменистыя и для хлѣбороба не удобныя, а на другой, у Тамани, земли мало и она болотиста.

Очевидно, принявъ эти слухи во вниманіе, въ посланномъ Царицѣ прошеніи говорится о дарованіи для поселенія обѣщанной земли у Тамани да еще „съ окрестностями оной“ и при томъ „выгодной земли“ такъ достаточно, чтобы „имѣющее быть приумноженіе войска безнуждно помѣщаться могло.“

Развѣ не сказался тутъ глубокой и дальновидный умъ составителя прошенія, который не только позаботился о наличныхъ сиромыхъ, но еще и о будущемъ „безнуждномъ“ благосостояніи своихъ потомковъ, а именно насъ, Кубанцевъ.

Намѣстникъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказѣ
и Войсковой Наказный Атаманъ Кавказскихъ казачьихъ войскъ

Генераль-Адъютантъ

Графъ Илларионъ Ивановичъ Воронцовъ-Дашковъ.

Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска

Генераль-Лейтенантъ

Михаиль Павловичъ Бабычъ.

Вѣчная и неувядаемая слава Вамъ, наши мудрые дѣды и отцы! Благодарная память о Васъ будетъ всегда жить въ сердцахъ Кубанцевъ, пока и они сами будутъ существовать на Божьемъ свѣтѣ.

Но не только этимъ исчерпывается политичность и глубокой смыслъ вышеупомянутаго прошенія, съ которымъ, какъ мы видимъ, связано и наше теперешнее благополучіе.

Въ немъ, кромѣ приумноженія земель, кошевое „товариство“ еще проситъ у Царицы выдать ихъ депутату Антону Головатому „милостивую грамоту“ на „вѣрно-спокойное потомственное оною (землею) владѣніе“.

Въ этомъ именно ходатайствѣ, надо думать, заключалась существенная его часть. Разъ дана будетъ жалованная грамота на укрѣпленіе за войскомъ въ вѣчное и потомственное владѣніе земель, то тѣмъ самымъ и окончательно узаконялось существованіе на будущія времена Черноморскаго казачьяго войска, иначе сказать, осуществлялась давно задуманная Головатымъ и его достойными сподвижниками мечта—возстановленіе запорожскаго казачества.

Это обстоятельство еще разъ говоритъ за то, что составителемъ прошенія былъ именно самъ Головатый.

Но какъ не хитры были Черноморскіе дипломаты, не менѣе хитры, конечно, были и тогдашніе вершители судебъ Россіи, отъ которыхъ зависѣла и судьба удовлетворенія прошенія депутаціи.

Головатый зналъ это хорошо и его сильно заботилъ успѣхъ депутаціи. Онъ понималъ, что на немъ одномъ, какъ уже знакомомъ съ придворнымъ Петербургомъ, лежитъ все руководство депутаціи

и отвѣтственность въ случаѣ ея неудачи. Тутъ было о чемъ подумать.

30 марта 1792 г. депутаты прибыли въ Петербургъ, гдѣ, благодаря прежнимъ знакомствамъ, Головатый былъ представленъ Графамъ Зубову и Салтыкову, по ходатайству коихъ уже 31 марта была депутатамъ дана аудіенція у Ея Императорскаго Величества.

Это былъ, можно сказать, весьма важный моментъ въ положеніи депутаціи.

Хорошее начало, говорится, равно половинѣ всего дѣла. Чувствовалъ это Головатый, знали это и покровительствовавшіе депутаціи вельможи. Послѣднихъ особенно заботило это, они наперерывъ стали учить Головатого, какъ говорить и какъ держаться въ присутствіи Государыни.

На всѣ эти наставленія Головатый отвѣчалъ „чуемо“, а говорить будемъ такъ, „як зуміемо.“ А „зумів“ онъ вотъ какъ.

Какъ только Государыня подошла къ депутатамъ, Головатый обратился къ ней съ слѣдующими словами:

„Всеавгустѣйшая Монархиня, всемилостивѣйшая Государыня! Жизнедательнымъ державнаго велѣнія твоего словомъ, перерожденный изъ неплоднаго бытія, вѣрный Черноморскій Кошъ пріемлетъ нынѣ дерзновеніе вознести благодарный гласъ свой къ святѣйшему Величеству Твоему и купно возглаголати глубочайшую преданность сердець его. Прійми оную, яко жертву, единой тебѣ сохраненную. Прійми и уповающимъ на сѣни крылу твоего пребуди прибѣжище и покровъ радованія. . . . Та й годі!“

Эта, произнесенная по тогдашнему времени высокимъ стилемъ, прекрасная рѣчь произвела впечатлѣніе.

Государыня милостиво приняла депутатовъ и приказала ихъ прошеніе передать Зубову.

Такой, можно сказать, хорошій на первыхъ порахъ успѣхъ депутаціи, далеко не повлекъ за собой въ дальнѣйшемъ благоприятное и скорое рѣшеніе просьбъ депутатовъ.

Трудно имъ пришлось. Много еще протекло времени, пока депутація дождалась нужнаго имъ рѣшенія. Болѣло за успѣхъ дѣла сердце Головатого, болѣло оно и у остальныхъ депутатовъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого мрачнаго настроенія Головатый излилъ свою душу въ слѣдующей его пѣснѣ:

Ой, Боже наш, Боже милостивый!
 Уродились ми в свѣтѣ несчастливі.
 Служили ми в полі и на морі,
 Та і остались убогі, босі й голі;
 Старались ми землю заслужити,
 Щоб в супокій віку дожити.
 Дав нам Гетман*) землі від Дністра до Буга
 Границею по Бендерську дорогу,
 Дністрівській, Дніпрівській обидва лимани
 В ніх добуватись, справляти жупани.
 Пречнюю взяли да і сю виднімають,
 А нам жити Тамань обіщають.
 Ми б і туди пішли, аби нам сказали,
 Щоб не потерять казацької слави.
 Устань, Грицьку,*) промов за нас слово,
 Преси у Цариці—все буде готово.

Но всему бываетъ конецъ! Наступилъ онъ и кручинѣ Черноморскихъ депутатовъ. 30 Іюня, помимо Высочайшаго указа, даннаго Сенату, о пожалованіи Черноморцамъ просимой земли, Императрицей Екатериной была подписана на имя войска вѣрныхъ Черноморскихъ казаковъ Высочайшая

*) Князь Потемкинъ-Тавричскій.

грамота, и понынѣ хранящаяся среди войсковыхъ регалий, слѣдующаго содержания:

„Усердная и ревностная намъ войска Черноморскаго служба, доказанная въ теченіе благополучно оконченной съ Портою Оттоманскою войны храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе отъ самаго того времени, какъ сіе войско по волѣ Нашей покойнымъ Генераль-Фельдмаршаломъ Княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ учреждено, приобрѣло особое Наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ войска Черноморскаго утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія и доставленія способовъ къ благополучному пребыванію, Всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе состоящій въ области Таврической островъ Фанагорію со всей землею, лежащею на правой сторонѣ р. Кубани отъ устья ея къ Усть-Лабинскому реду, такъ чтобы съ одной стороны р. Кубань, съ другой Азовское море до Ейскаго городка служили границею войсковой земли; съ прочихъ же сторонъ разграниченіе дѣлать указали Мы Генераль-губернатору Кавказскому и губернаторамъ Екатеринославскому и Таврическому чрезъ землемѣровъ обще съ депутатами отъ войскъ Донскаго и Черноморскаго.

Всѣ состоящія на помянутой землѣ всякаго рода угодія, на водахъ же рыбныя ловли остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска Черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой при р. Кубани, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которыя для вящей войску и особливо на случай военной безопасности сооружены быть имѣютъ.

Войску Черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

На производство жалованья кошевому атаману и войсковымъ старшинамъ, по приложенной росписи, употребляемые къ содержанію стражи отряды и прочіе по войску расходы, повелѣли Мы отпускать изъ казны по 20.000 рублей въ годъ.

Желаемъ Мы, чтобъ земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными отъ насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы предоставляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ; но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ для осужденія по законамъ отсылать къ губернатору Таврическому.

Мы всемилостивѣйше позволяемъ войску Черноморскому пользоваться свободно внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ.

Всемилостивѣйше жалуемъ войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковою печати, которая оному отъ покойнаго Генераль-Фельдмаршала Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго по волѣ Нашей доставлены.

Губернатору Таврическому указали мы доставлять войску Черноморскому всѣ исходящія отъ Насъ законенія, предлагать оному о нарядахъ на службу, по назначенію военнаго начальства, и преподавать всѣ нужныя способствованія; а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ.

віяхъ, какія въ теченіе двухъ недѣль можуть приключитися, для донесенія Намъ.

Мы надѣмся, что войско Черноморское, соотвѣтствуя Монаршему Нашему о немъ попеченію, потщится не только бдительнымъ охраненіемъ границъ соблюсти имя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрное употребить стараніе заслуживать званіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ внутреннимъ благоустройствомъ и распространеніемъ семейственного житія.“

Можно себѣ представить всю радость и ликованіе всѣхъ депутатовъ по поводу благополучнаго окончанія порученнаго имъ дѣла! Радости-же Головатаго не было и конца, такъ-какъ ему, помимо указаннаго въ Высочайшей грамотѣ, черезъ посредство все того-же високаго покровителя Черноморцевъ Графа Зубова, удалось получить и другія милости у Царицы, что поручалось Головатому кошевымъ „товариствомъ“ по выданной ему инструкціи.

Получивши на руки грамоту, хлѣбъ-соль, жалованья Черноморцамъ на новоселье, литавры, трубы, печать, на которой вырѣзано „Е. И. В. печать коша войска вѣрнаго Черноморскаго“, Головатый не сталь долго мѣшкать въ Петербургѣ, такъ какъ зналъ все нетерпѣніе и тревогу, съ которыми ожидало возвращенія депутаціи кошевое „товариство“ въ Слободзеѣ.

Быстро откланявшись сановникамъ и покровителямъ войска, депутаты 13 іюля представились Государынѣ въ прощальной аудіенціи, во время которой, Головатый, съ вполнѣ понятнымъ чувствомъ глубочайшей благодарности, произнесъ слѣдующую рѣчь; „Мы къ Тебѣ прибѣгли, къ Тебѣ, Монархинѣ правовѣрной. Ты насъ приняла, якъ Матір. Тамань—даръ Твоего благоволенія о насъ, будетъ вѣчнымъ для обитающихъ въ немъ залогомъ милостей Твоихъ.

Мы воздвигнемъ грады, населимъ села, сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ, Монархія, и любовь къ отечеству пребудутъ вѣчно, а сему свидѣтель Всемогушій Богъ“.

Такъ Головатый благодарилъ милостивую къ казакамъ Царицу, такъ онъ свидѣтельствовалъ передъ Нею о вѣрной и нелицепріятной службѣ, какъ своихъ современниковъ казаковъ, такъ и ихъ потомковъ, а слѣдовательно и нашей.

И ты, славный Антонъ Андреевичъ, завѣряя Царицу о службѣ и вѣрности Черноморцевъ съ еотомками, не ошибся. Пока что, до настоящаго часа, слава Богу, твой завѣтъ хранится въ сердцахъ твоихъ дѣтокъ, казаковъ Кубанцевъ.

16 іюля Головатый съ депутаціей выѣхалъ въ обратный путь, пославъ впередъ къ кошевому атаману Бригадиру Чепигѣ гонца съ радостной вѣстью: „Слава Всевышнему Богу! Мы отъ Ея Величества въ просьбахъ войсковыхъ получили все желаемое съ хорошимъ концомъ“.

Такъ счастливо закончилось посольство Головатого съ депутатами къ Царицѣ. Такъ „бѣдолахи“ Черноморцы послѣ долгаго томленія и ожиданія получили наконецъ въ вѣчное и потомственное владѣніе цвѣтушій край, доставшійся въ наслѣдіе намъ, братья Кубанцы!

Велика была радость Антона Андреевича, его душа ликовала. Завѣтная мечта его и его сподвижниковъ славныхъ, бывшаго Кошевого Сидора Бѣлаго, павшаго въ бою, и теперешняго Кошевого Чепиги, осуществилась.

Разсѣянное запорожское казачество вновь воскресло и получило для своего прочнаго устройства давно жданную обѣтованную землю.

Эта радость Антона Андреевича вылилась въ слѣдующей сочиненной имъ знаменательной пѣснѣ, исчерпывающей всю суть жалованной грамоты.

Ой, годі нам журитися,
 Пора перестати,
 Діждалися від Цариці
 За службу заплати.
 Дала хлѣб-сіль і грамоту
 За вірній служби.
 От теерь ми, милі браття,
 Забудем всі нужды.
 В Тамані жить, вірно служить,
 Грядицю держати,
 Рибу ловить, горілку пить,
 Ще й будем багаті.
 Та вжеж можно й женитися
 І хлѣба робити;
 А хто прийде із невірних,
 То як врага бити.
 Слава Богу и Цариці,
 І покій Гетьману,
 Злічили нам в серцяхъ нашихъ
 Великую рану.
 За здоровье ж ми Цариці
 Помолимось Богу,
 Що вона нам указала
 На Тамань дорогу.

Получивъ такое высокое благоволеніе и удовлетвореніе всѣхъ насущныхъ нуждъ, Черноморцы, въ лицѣ своихъ руководителей Чепиги и Головатаго, рѣшили достойнымъ образомъ отпраздновать это великое для нихъ событіе и вмѣстѣ съ тѣмъ съ подобающимъ почетомъ встрѣтить и принять Высочайшіе дары.

Для этого былъ составленъ Головатымъ особый церемоніаль, а для большей торжественности былъ

даже приглашенъ въ Слободзею Высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ Екатеринославскій.

Торжество это, по описанію нашего „рідного“ историка П. П. Короленко, происходило слѣдующимъ образомъ:

„По маршруту, депутація должна была прибыть въ Слободзею 15 августа. Къ этому времени кошевый собралъ всѣ наличные полки конныхъ и пѣшихъ казаковъ съ артиллерією и, кромѣ архіепископа, пригласилъ еще много духовныхъ и свѣтскихъ стороннихъ лицъ на торжество. Когда курьеръ прискакалъ съ извѣстіемъ, что депутаты прибыли уже къ Бугу, то кошевой атаманъ отрядилъ навстрѣчу конный полкъ съ старшинами и прапоромъ, за 30 верстъ отъ Слободзеи, въ урочище Кучурганъ, откуда казаки провожали депутацію до кошевого селенія, гдѣ въ 7 часовъ утра 15 августа собралось войско, въ назначенное мѣсто, къ той сторонѣ, съ которой ожидалась депутація, и выстроилось шпалерами въ два ряда, до самой войсковой церкви, предъ оградой которой было устроено возвышенное мѣсто, покрытое турецкими коврами. На этомъ мѣстѣ былъ поставленъ столъ, покрытый шелковой матерією. Противъ возвышенія стали полукругомъ старшины войска съ войсковымъ знаменемъ и прочими клейнодами въ рукахъ. Въ этомъ кругу помѣстились приглашенные почетныя лица по лѣвую сторону, а духовенство стало на правой сторонѣ,—съ преосвященнымъ Амвросіемъ. Кошевой атаманъ бригадиръ Чепига и войсковой писарь Котляревскій стали на возвышеніи. Когда Головатый съ свитой и своими двумя старшими сыновьями приблизился къ стоявшимъ рядами казакамъ, то былъ произведенъ салютъ тремя пушечными выстрѣлами. Тогда навстрѣчу депутаціи кошевой отрядилъ самыхъ

почетныхъ старшинъ съ хлѣбомъ и солью, которые поднесли этотъ искони привѣтственный знакъ почтенія Антону Андреевичу. Головатый, принявъ хлѣбъ-соль, пошелъ далѣе впередъ, въ такомъ порядкѣ: четыре штабъ-офицера несли впереди пожалованныя Императрицей войску хлѣбъ на серебрянномъ, данномъ Царицей, блюдѣ, покрытомъ шелковой матеріей, за ними шелъ Головатый, держа въ рукахъ пожалованную, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, соль въ серебрянной солонкѣ и Высочайше жалованной грамотой, а малолѣтніе сыновья его несли жалованныя кошевому атаману Императрицей письмо (рескриптъ) и саблю, украшенную драгоценными камнями, переданную Чепигѣ чрезъ Головатаго.

Кошевой, принявъ царскіе дары, поцѣловалъ жалованный Царицей хлѣбъ и соль, поставилъ ихъ на столъ, а грамоты передалъ войсковому писарю, который громко прочелъ ихъ предъ войскомъ и народомъ и возвратилъ кошевому. Чепига взявъ обратно грамоты, поклонился на всѣ четыре стороны и поздравилъ войско Черноморское съ великими Царскими милостями. Тогда со всѣхъ сторонъ казаки закричали: „Ой, спасибі ж напій Матері за сі милости“.

Затѣмъ тѣ же четыре старшины, взявши столъ съ царскими дарами, понесли въ церковь. Впереди ихъ шло духовенство, а за ними кошевой атаманъ, войсковой судья Головатый и войсковой писарь, старшины, войско и народъ. Вошедши въ церковь, старшины поставили принесенный столъ съ дарами передъ иконой Спасителя и началась божественная литургія, которую совершалъ Высокопреосвященный Амвросій съ архимандритами. Послѣ литургіи владыка сказалъ краткое, но чувствительное, приличное торжественному случаю, слово и закончилъ благодарст-

веннымъ молебствіемъ съ колѣнопреклоненіемъ, причемъ при возглашеніи многолѣтія Государынѣ, Царствующему Дому и доблестному Черноморскому казачьему войску произведенъ салютъ изъ 101 пушечнаго выстрѣла и тремя залпами изъ ружей казаковъ.

По окончаніи церковной службы, столъ съ Царскими дарами былъ перенесенъ въ домъ кошевого атамана, куда и онъ пришелъ съ гостями и съ кошевой старшиной. Захарій Алексѣевичъ въ домѣ уже, какъ добрый хозяинъ, принялъ почетныхъ гостей и раздѣлилъ пожалованный Царицей хлѣбъ на части: одну часть оставилъ на вѣчную память войску Черноморскому и положилъ на храненіе въ войсковую церковь, другую отправилъ въ Тамань,—куда уже отправилась казацкая пѣхота на войсковой флотилии подъ командой полковника Саввы Бѣлаго, третья—роздана въ полки, находившіеся еще при кошѣ, а четвертую положилъ у себя на столѣ, гдѣ приглашенные старшины щепотками брали и закусывали послѣ доброй чарки „горілки“; часть этого хлѣба для такого же угощенія старшинъ отнесена въ домъ Головатаго. Затѣмъ, нѣкоторые почетные старшины съ высшимъ духовенствомъ остались обѣдать у кошевого, а прочихъ съ низшимъ духовенствомъ Антонъ Андреевичъ пригласилъ въ свой домъ на обѣдъ. Для полковниковъ, полковыхъ старшинъ и казаковъ были устроены отдѣльные столы на площади, гдѣ также пили водку и закусывали царскимъ хлѣбомъ. Вездѣ шель пиръ горой: пили, закусывали и пѣли пѣсни Головатаго; разумѣется, за столомъ гостепріимнаго Антона Андреевича, тѣшившаго гостей еще и личными разказами о своемъ посольствѣ къ Высочайшему Двору, было веселье. При тостахъ за здравіе Царицы салютовали 101 пушечными выстрѣлами, за наслѣдника

престола и всю царскую фамилію выпущено 51 пушечный выстрѣлъ; были тосты за Сенать, Синодъ, за російское воинство, за кошевого атамана съ старшинами, за войсковой кошъ, за все Черноморское казачье войско, за присутствовавшихъ гостей, а больше всѣхъ за виновника этого торжества, войкового судью Головатаго; при каждомъ тостѣ гремѣли пушечные выстрѣлы.

Савва Леонтьевичъ Бѣлый, находившійся уже съ казаками въ Тамани, получилъ отъ курьера извѣстіе, что Хорунжій Чернявскій везетъ изъ Слободзеи въ Тамань копии съ Высочайшихъ грамотъ и часть подаренныхъ Царицей хлѣба и соли, рѣшилъ также отпраздновать это радостное событіе съ большимъ торжествомъ. Для этого онъ собралъ на 12 сентября съ войсковой флотиліи и бывшихъ на сушѣ полковъ штабъ и оберъ-офицеровъ для встрѣчи въ этотъ день царскихъ даровъ. Какъ только показался въ Керченскомъ проливѣ подѣхавшій къ берегу кошевой посоль, то Бѣлый оповѣстилъ о его прибытіи пушечнымъ выстрѣломъ съ берегового орудія; затѣмъ загрохотала на войсковой флотиліи пушечная пальба, которая продолжалась до тѣхъ поръ, пока Бѣлый въ кругу старшинъ и казаковъ принималъ отъ Чернявскаго въ копіяхъ Высочайшія грамоты и части хлѣба и соли, жалованныя Монархиней Черноморцамъ на новоселье. Затѣмъ вся процессія, при полковыхъ знаменахъ и другихъ клейнодахъ, стройно двинулась въ крѣпость и тамъ, въ очищенной командиромъ Егерскаго баталіона, премьеръ-маіоромъ Розенбергомъ, по просьбѣ Бѣлаго, турецкой мечети, обращенной въ православную церковь, былъ отслуженъ іеромонахомъ Герасимомъ благодарственный молебенъ съ многолѣ-

тіемъ, причемъ съ войсковою яхты и всѣхъ 50 казачьихъ лодокъ дано по одному пушечному выстрѣлу.

Послѣ этого былъ приготовленъ столъ для старшинъ и почетныхъ гостей въ квартирѣ начальника отряда, полковника Саввы Бѣлаго, а для казаковъ на дворѣ. Веселый и торжественный обѣдъ у Саввы Леонтьевича сопровождался пушечными выстрѣлами съ флотилии при тостахъ, для чего давалась повѣстка изъ одного орудія, стоявшаго во дворѣ Бѣлаго.

Средства для такого торжественнаго пиршества далъ заботливый во всѣхъ отношеніяхъ Антонъ Андреевичъ; онъ на устройство этого обѣда заблаговременно прислалъ Саввѣ Леонтьевичу съ курьеромъ 200 рублей.

Послѣ празднествъ въ Слободзеѣ, кошевой атаманъ Чепига 14 сентября отправилъ въ Петербургъ съ своимъ племянникомъ, арміи капитаномъ Евтихіемъ Чепигой, всеподданѣйшее письмо, сочиненное 2 числа того мѣсяца войсковымъ судьей Головатымъ, слѣдующаго содержанія:

„Вашего Величества святѣйшій даръ на просьбы Черноморскаго войска излитый отъ посланнаго войскового судьи Головатаго, состоящій во Высочайше пожалованныхъ грамотахъ, хлѣбѣ, соли и саблѣ, ассигнованной мнѣ, полученъ благополучно, за который приношу Вашему Величеству всепреданнѣйшую, глубочайшую мою благодарность,—съ опредѣленіемъ себя за неувядаемую, возчувствованную великую и благотворительную Матернюю милость, по вѣкъ мой преданнѣйшимъ сверхъ долгу и обязанности во всѣхъ начертаніяхъ слугою“... Далѣе въ этомъ письмѣ Чепига докладывалъ Государынѣ, что войсковая флотилія съ пѣхотой войска Черноморскаго уже отправлена на Высочайше пожалован-

ную землю и что онъ самъ сего же числа отправляется туда же съ конницей и артиллеріей; на оставляемомъ же мѣстѣ, для устройства переселенія остальныхъ казаковъ съ семействами, весною слѣдующаго года на Кубань, остается войсковою судья Головатый“.

III.

Ой, ви, прощайте, степи буджацькі,
Вже ж нам по вас більше не ходити.
А ты прощай, Дністро, ой, ти, річка мутная,
Вже ж нам більше з тебе води не пити.
Ой, бо ми підем на Кубань ріку
Та там будемо жити.

Такъ пѣли наши батьки и дѣды при переѣздѣ на вновь пожалованную землю. Тутъ, на ряду съ высказываемымъ довольствомъ по поводу переселенія на Кубань, слышится много грустныхъ нотъ прощанія съ Днѣстромъ и временно уже насиженнымъ и облюбованнымъ житьемъ-бытьемъ.

Да оно вполнѣ понятно. Какъ ни какъ, но край, куда переселялись Черноморцы, былъ имъ если и не совсѣмъ неизвѣстенъ, то во всякомъ случаѣ очень мало знакомъ.

Причемъ и эти незначительныя свѣдѣнія были не важны. Какъ упоминалось выше, до казаковъ доходили слухи, что Таманскія земли болотисты и весьма нездоровы.

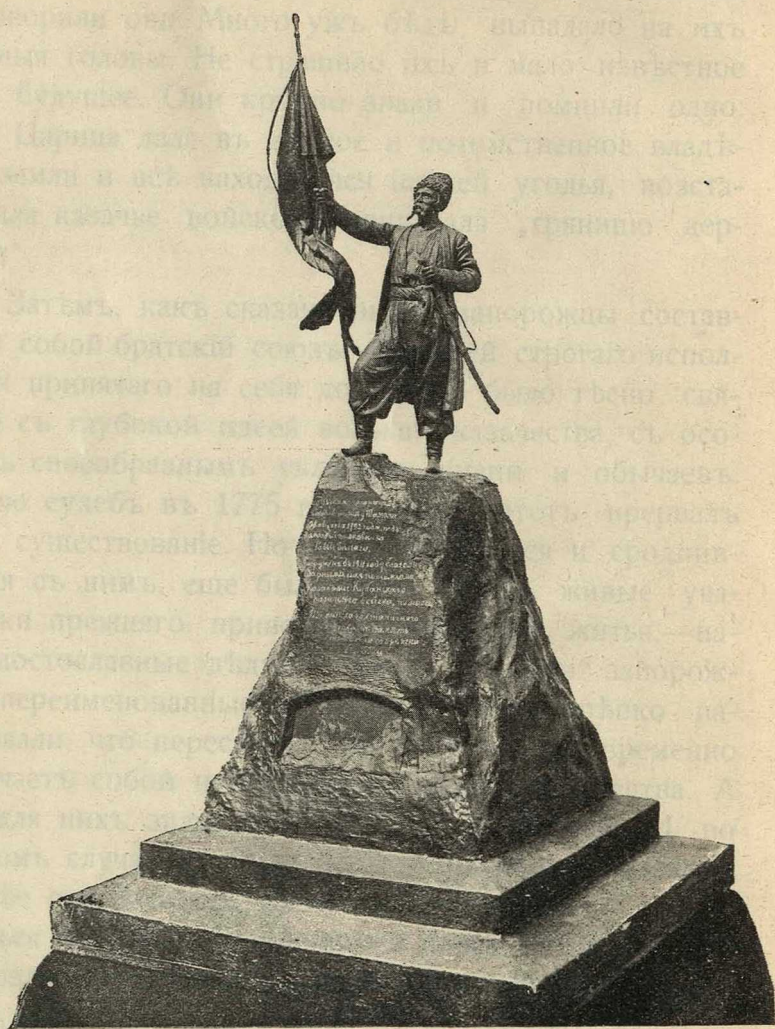
На ряду съ этимъ Черноморцы ужъ навѣрно знали, что всѣ мѣста по лѣвую сторону Кубани населены немирными черкесами, которые, ясно, не могутъ благожелательно относиться къ непрошенному сосѣдству казаковъ, извѣстныхъ хорошо горцамъ за лихихъ и упорныхъ борцовъ, съ которыми трудно будетъ считаться.

Все это вмѣстѣ взятое, конечно, не могло не породить грустныхъ думъ въ чубатыхъ головахъ казаковъ при разставаніи съ теперешними мѣстами.

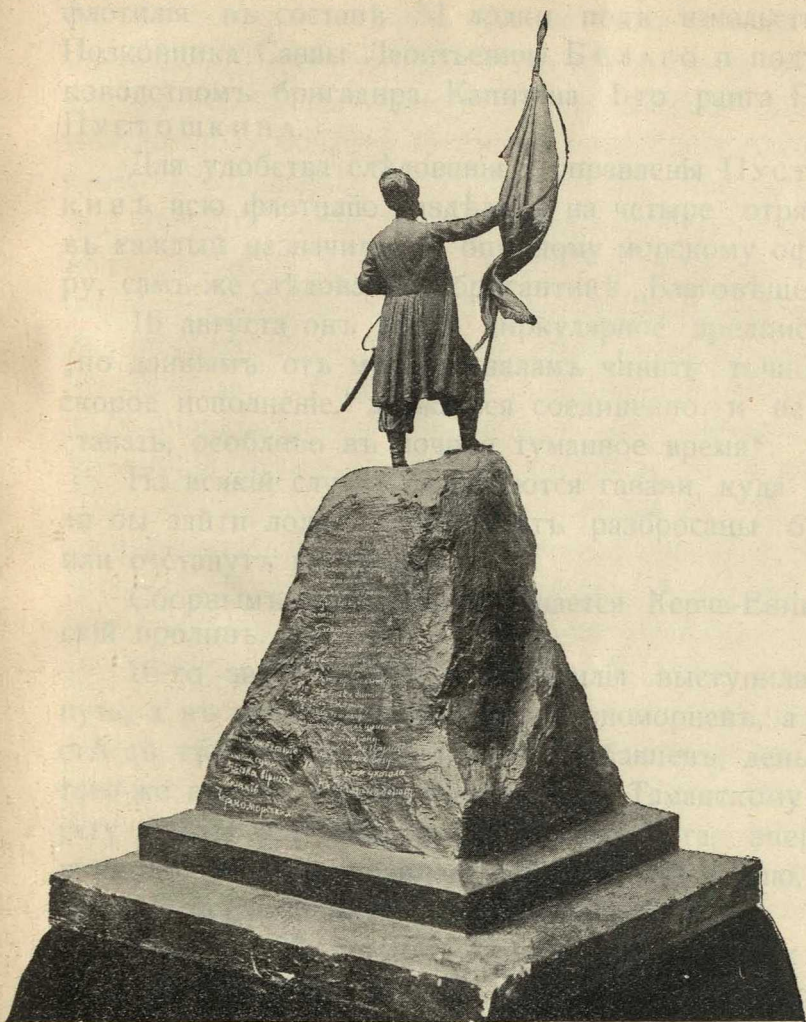
Но однако все это не удержало наших „батьків“. Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья, —говорили они. Много ужъ бѣдъ выпадало на ихъ бѣдныя головы. Не страшило ихъ и мало извѣстное имъ будущее. Они крѣпко знали и помнили одно: имъ Царица дала въ вѣчное и потомственное владѣніе земли и всѣ находящіяся на ней угоды, возстановила казачье войско и приказала „границю держати“.

Затѣмъ, какъ сказано выше, запорожцы составляли собой братскій союзъ—рыцарей строгаго исполненія принятаго на себя долга, что было тѣсно связано съ глубокой идеей вольнаго казачества, съ особымъ своеобразнымъ укладомъ жизни и обычаевъ. Волею судьбы въ 1775 году союзъ этотъ прервалъ свое существованіе. Но люди, свыкшіеся и сроднившіеся съ нимъ, еще были живы. И эти живые участники прежняго привольнаго казачьяго житья,—наши достославные дѣды и отцы и „лыцари“ запорожцы, переименованные въ Черноморцевъ, крѣпко памятовали, что переселеніе на Кубань одновременно означаетъ собой и возрожденіе самаго казачества. А это для нихъ значило очень и очень многое. И во всякомъ случаѣ это еще больше побуждало казаковъ скорѣе переселиться на обѣтованную землю и устроиться на ней по хорошему и навсегда для прочнаго созданія благополучія своего и своихъ потомковъ.

И Черноморцы не стали долго мѣшкать; еще до возвращенія депутаціи изъ Петербурга, какъ только стало въ войскѣ точно извѣстно объ укрѣпленіи за казаками земель, Кошевой Атаманъ Чепига приказалъ всѣмъ казакамъ готовиться къ скорому переселенію, а часть ихъ даже отправилъ.

ТАМАНСКИЙ ПАМЯТНИКЪ
ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА.

ТАМАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ

ВИДЪ СЪ МОРЯ.

Первой партией переселенцевъ къ отплытію на Тамань была готова и отбыла гребная Черноморская флотилія въ составѣ 51 лодки подъ начальствомъ Полковника Саввы Леонтьевича Бѣлаго и подъ руководствомъ бригадира, Капитана 1-го ранга Павла Пустошкина.

Для удобства слѣдованія и управленія Пустошкинъ всю флотилію раздѣлилъ на четыре отряда и въ каждый назначилъ по опытному морскому офицеру, самъ-же слѣдовалъ на бригантинѣ „Благовѣщеніе“.

16 августа онъ даетъ циркулярное предписаніе: „по даннымъ отъ меня сигналамъ чинить точное и скорое исполненіе, держаться соединенно и не отставать, особливо въ ночное туманное время“.

На всякій случай назначаются гавани, куда могли бы зайти лодки, если будутъ разбросаны бурей или отстанутъ въ туманѣ.

Сборнымъ пунктомъ назначается Керчь-Еникальскій проливъ.

16-го августа 1792 г. флотилія выступила въ путь, а въ знаменательный для Черноморцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для всѣхъ насъ, Кубанцевъ, день 25 того-же августа казаки прибыли къ Таманскому берегу и въ этотъ день, ликуя и славя Бога, впервые вступили твердой ногой на обѣтованную землю, милостиво пожалованную державной Царицей.

Того-же 25 августа Капитанъ Пустошкинъ пишетъ кошевому Чепигѣ, что „прибыль благополучно и Васъ поздравляю. Господа Полковники и всѣ Черноморскіе казаки Вамъ кланяются и весьма рады найти хорошее мѣсто и землю. Благодареніе Богу, исполнили мы сей путь весьма счастливо, нужды никакой въ слѣдованіи не имѣли, хотя и были прямые вѣтры и противные, но при помощи Божьей лодки и люди были сбережены“.

Одновременно донесъ объ этомъ и начальникъ гребной флотиліи, Полковникъ Савва Бѣлый, войсковому судѣ Головатому.

Въ донесеніи этомъ говорится, что „флотилія съ помощью Божіей до самаго мѣстоположенія Тамани о пятидесяти одномъ суднѣ съ войскомъ благополучно прибыла, гдѣ по принесеніи Всещедрому Богу благодарственнаго моленія, состоятъ имѣемъ при ономъ до пріѣзда Вашего Высокоблагородія“.

Всего въ этотъ день съ Полковникомъ Бѣлымъ прибыло и высадилось у Тамани: Полковниковъ 4, Старшинъ полковыхъ 4, Есауловъ 4, Хорунжихъ 4, Квартирмейстровъ 4, Сотниковъ 51, атамановъ и пушкарей 21, канонировъ 124 и казаковъ 3031, а всего 3247 человекъ.

Гдѣ теперь стоитъ Тамань, съ прилегающими къ ней землями, въ древнее время было русское Тмутараканское княжество, но нашествіе дикихъ азіатскихъ ордъ на сотни лѣтъ оттѣснило русскихъ далеко на сѣверъ.

Теперь-же, въ знаменательный день 25-го августа 1792 года, опять тутъ твердою ногою стали потомки древнихъ славянъ—славные запорожцы, такъ горячо любившіе свою родину и вѣру и такъ много пролившіе за нихъ крови въ борьбѣ съ азіатскими варварами.

Все это указываетъ на то, что день высадки у Тамани первой партіи Черноморцевъ, 25-ое августа 1792 г., является высоко-знаменательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ историческимъ днемъ, не только въ исторіи нашего родного войска, но и отчасти въ исторіи всей нашей родины.

А такіе дни не должны забываться грядущими поколѣніями. Всѣ, кому дорога славная исторія прош-

лаго своей родины, поймутъ, что этотъ день долженъ быть отмѣченъ достойнымъ памятникомъ, который, являясь знакомъ глубокой признательности отцамъ и дѣдамъ, какъ главнымъ виновникамъ этого, одновременно будетъ служить нагляднымъ воспоминаніемъ потомкамъ на многіе и многіе годы о славныхъ дѣлахъ далекаго прошлаго.

Неразрывно съ этимъ, естественно, связано воспоминаніе и о Тамани.

Гдѣ-же, какъ не здѣсь у вратъ земли обѣтованной, у берега синихъ водъ моря, подобаетъ быть этому памятнику рыцарямъ запорожцамъ, которые „страха не страшась, а бури не боясь“, прибыли сюда, дерзнувъ съ одной „надіей на Бога“ пуститься на утлыхъ ладьяхъ въ опасное плаваніе по бурному и измѣнчивому морю изъ далекой Украины.

Великая честь и слава вамъ, наши дивные бабки и дѣды! Добрая и благодарственная память о Васъ и о вашихъ дѣлахъ, щедрыми плодами коихъ мы пользуемся и будутъ пользоваться наши многія и многія послѣдующія поколѣнія, „не згине“. Она будетъ жить вѣчно, пока Всевышнему угодно будетъ бытіе на свѣтѣ Кубанцевъ.

Мы гордимся тѣмъ, что на нашу долю выпала честь увѣковѣчить вашу память созданіемъ вамъ скромнаго памятника, который съ 5 октября 1911 года, сложенный изъ крѣпкаго гранита и вылитый изъ нетлѣннаго металла и являющій собой сичевика-запорожца, всей своей гордой осанкой будетъ говорить всему міру: „да, мы умерли, но дѣла наши живы и будутъ жить вѣчно“.

Большая честь и благодарность Вамъ, станичники Таманцы! Вы первые подали мысль создать этотъ па-

мятникъ и первые внесли свою посильную лепту на наше общее казачье признательное дѣло.

Лепта ваша была не велика сама по себѣ, но очевидно, дана она отъ щираго казачьяго сердца, ибо она послужила краеугольнымъ камнемъ сооруженія памятника, стоящаго не одинъ десятокъ тысячъ, собранныхъ отъ посочувствовавшихъ вамъ благодарныхъ сыновъ Кубани.

Да не поставятъ намъ наши потомки въ упрекъ то, что памятникъ этотъ представляетъ собой ни Головатаго, ни Бѣлаго, ни Чепигу, ни кого другого изъ войсковой старшины, а являетъ собой изображение простого рядового „братчика“ запорожца.

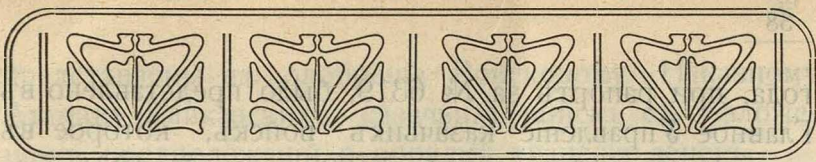
Въ этомъ кроется глубокая мысль, живо напоминающая о своеобразномъ укладѣ и управленіи въ Запорожьѣ, гдѣ всѣ были равны, всѣ были братья.

Сегодняшній кошевый, завтра могъ стать рядовымъ, а рядовой кошевымъ.

Дѣло борьбы за Украину, за православную вѣру Христову и за вольности казацьи отъ многократныхъ посягательствъ на нихъ „невѣрныхъ“ татаръ и турокъ и отъ сосѣдей „ляхівъ“ было у нихъ общимъ дѣломъ. За него одинаково клали свои головы, какъ войсковая старшина, такъ и рядовикъ „сіромаха“—братчикъ.

Запорожское казачество, какъ упоминалось выше, представляло собой братскій союзъ, весьма схожій съ бывшими въ западномъ краѣ рыцарскими орденами. Братскій союзъ этотъ именовался „товариствомъ“. Имъ и грамоты Цари адресовали: „всему старшему и меньшему товариству“.

Этому-то „старшему и меньшему товариству и поставленъ теперь памятникъ въ видѣ дивной и могучей фигуры запорожца.

— IV. —

Там, де хвиля діда Дніпра
Скелі обмиває,
Кожной ночі Запорожець
З води випливає....
Зійде високо на скелі,
Помолитця Богу....
Та й опять въ Дніпро....
Всі забули.... Немає нікого....
Нема, кому б козак бравий
Заповіт свій передав,
Хто б про славу Запорожжя
Дітям, внукам розказав!....

Розкажемо тепер історію возникновенія и сооруженія самого памятника.

6 марта 1894 г. общественный сборъ станицы Таманской, подъ предсѣдательствомъ своего станичнаго атамана, Сотника Владиміра Илларіоновича Толстопята, обсуждая свои общественныя дѣла, между прочимъ, имѣлъ сужденіе о томъ, что 1 октября 1894 г. исполняется сто лѣтъ со дня основанія въ станицѣ Таманской первой въ Кубанской области церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а также и о томъ, что у этой станицы 25 августа 1792 года вѣрныя Черноморскіе казаки впервые высадились на дарованную землю.

Обсудивъ это, Таманское общество постановило возбудить ходатайство объ открытіи среди Кубанцевъ подписки на сооруженіе въ Таманской станицѣ памятника въ память этихъ знаменательныхъ событій и ассигновать на эту надобность изъ своихъ станичныхъ суммъ 500 рублей.

Ходатайство это, встрѣтившее очевидно сочувствіе у войсковой администраціи, 3 апрѣля того-же

года, при рапортѣ за № 6319, было представлено въ Главное Управление казачьихъ войскъ, которое въ отзывѣ, отъ 14-го декабря 1895 г. за № 1231, сообщило Начальнику Штаба Кавказскаго военного округа, что „означенное ходатайство получило Высочайшее Его Императорскаго Величества одобрение и что Военный Министръ разрѣшилъ открыть подписку на сооружение памятника съ тѣмъ, чтобы: 1) порядокъ производства подписки и хранение пожертвованій былъ установленъ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ и 2) проектъ и смѣта на сооружение памятника были составлены и представлены на утверждение въ установленномъ порядкѣ, по приведеніи въ извѣстность суммы, имѣющей быть собранной по подпискѣ“.

Препровождая въ копіи приведенный отзывъ, Окружной Штабъ 11 января 1896 г. просить Наказнаго Атамана доставить по этому поводу свои соображенія.

Бывшій тогда Наказный Атаманъ, нынѣ членъ Военнаго Совѣта, Генераль отъ Кавалеріи Яковъ Дмитріевичъ Малама, на этомъ предложеніи 26 января 1896 года положилъ слѣдующую резолюцію: „Дѣло вести въ Штабѣ. Опубликовать это разрѣшеніе съ краткимъ историческимъ поясненіемъ и деньги хранить въ Штабѣ, гдѣ по сборѣ найти художника и строителя памятника“.

Составление исторической справки и воззванія о подпискѣ тогда-же было поручено Дѣйствительному члену Кубанскаго Статистическаго комитета, Есаулу И. И. Дмитренко, что онъ и исполнилъ въ ноябрѣ 1896 года.

За тѣмъ справка эта и проектъ воззванія при рапортѣ, отъ 5-го августа 1897 г. за № 2809, были

представлены на одобрение Войсковому Наказному Атаману Кавказскихъ казачьихъ войскъ съ изложениемъ предположений о порядкѣ храненія денегъ.

Отзывомъ 12 сентября 1897 г. за № 15143 Окружной Штабъ увѣдомилъ объ одобрении Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ всѣхъ предположений Наказнаго Атамана, но самое воззваніе о подпискѣ, почему то, объявлено было спустя лишь годъ, а именно 28-го октября 1898 г. въ приказѣ войску за № 109 и тогда-же было разослано 523 подписныхъ листа во всѣ строевыя части, команды и станицы.

Почему и какъ, сказать трудно, но объявленная подписка имѣла слабый успѣхъ.

20-го марта 1908 г., т. е. почти за 10 лѣтъ со времени объявленія подписки, въ Войсковомъ Штабѣ оказалось собранныхъ денегъ, съ наросшими процентами, всего 2612 руб. 56 коп., не считая 500 руб., ассигнованныхъ обществомъ станицы Таманской, а считая сіи послѣдніе—3112 руб. 56 коп.

Почти одновременно съ объявленіемъ подписки на памятникъ, въ 1897 г., были посланы письма нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ, потомкамъ Черноморцевъ, съ просьбой сообщить свои соображенія относительно проекта памятника.

Такихъ писемъ было разослано болѣе десяти, но отозвались только два лица, оба нынѣ покойные, Атаманъ Екатеринодарскаго отдѣла, Генераль-Маіоръ Иванъ Ивановичъ Мазанъ, и преподаватель Кубанскаго Маріинскаго женскаго училища, Художникъ Петръ Сысоевичъ Косолапъ.

Первый изъ нихъ подалъ мысль, чтобы проектируемый памятникъ изображалъ поставленную на пьедесталѣ фигуру запорожца съ непокрытой головой, несущаго въ рукахъ блюдо съ хлѣбомъ и солью и

грамотой, пожалованной запорожцамъ Императрицей Екатериной Второй на новоселье при переселеніи въ Черноморію. На пьедесталѣ должна быть помѣщена пѣсня Головатаго „Ой, годі нам журитися“ и т. д.

Второй, художникъ Косолапъ, представилъ пространную записку, въ коей предлагаетъ на пьедесталѣ поставить фигуру типичнаго запорожца въ одеждѣ того времени, одна нога коего должна быть въ лодкѣ, а другая на постаментѣ неправильной формы, какъ бы изображая этимъ высадку на островъ Фанагорію. Въ одной рукѣ запорожець долженъ держать знамя Екатерининскихъ временъ, а другая должна лежать на груди, изображая этимъ благодареніе Богу.

При сопоставленіи этихъ предположеній, оба они были признаны равно хорошими и цѣнными, но предпочтеніе отдано второму.

Сооруженіе памятника по проекту П. С. Косолапа, по исчисленію Областного Правленія (отзывъ 26-го апрѣля 1908 г. № 19843), должно было обойтись не менѣе какъ въ 15 тысячъ рублей, имѣя въ виду, что фигура запорожца должна быть отлита изъ бронзы, а пьедесталъ гранитный.

Признавая эту сумму слишкомъ большой, Наказный Атаманъ, Генераль-Лейтенантъ Малама, приказалъ (Отз. Войскового Штаба 28-го мая 1901 г. № 1842) составить въ Областномъ правленіи проектъ памятника стоимостью въ 2 тысячи руб. Затѣмъ находя идею проекта памятника П. С. Косолапа весьма удачной, предложено было, чтобы памятникъ этотъ былъ сооруженъ изъ болѣе простаго матеріала (надп. Войскового Штаба 17-го сентября 1901 года № 2992) и не столь тонкой отдѣлки. При этомъ сообщалось, что Наказный Атаманъ, будучи въ Тифлисъ на промышленной выставкѣ, видѣлъ издѣлія фигуръ изъ

бетона довольно изящной работы и стоимостью всего въ сто рублей Батумской фабрики И. С. Фандѣва.

По изложеннымъ приказаніямъ Наказнаго Атамана въ Областномъ правленіи во 1-хъ, былъ составленъ проектъ памятника, представляющій собою сложенный изъ камняobeliskъ, а во 2-хъ, — велись сношенія съ Фандѣвымъ.

Слѣдовъ въ дѣлахъ не осталось, но надо думать, что проектъ памятника, составленный въ Областномъ правленіи, былъ признанъ не удовлетворительнымъ по своей ординарности.

Отъ сношенія съ Фандѣвымъ осталось нѣскольکو писемъ.

Въ первомъ изъ нихъ (отъ 25-го декабря 1901 г.) Фандѣвъ предложилъ соорудить бетонный памятникъ по проекту П. С. Косолапа за 5 тысячъ рублей, при условіи поставить фигуру запорожца въ 3 аршина высоты и полного сходства этой фигуры съ даннымъ ему оригиналомъ.

Во второмъ письмѣ (отъ 24-го января 1902 г.) Фандѣвъ соглашается соорудить памятникъ за 2500 р., если не потребуется точнаго сходства съ даннымъ оригиналомъ.

Результатомъ этого второго письма было предложеніе Наказнаго Атамана заказать памятникъ, о чемъ и сообщено было Войсковымъ Штабомъ (отзывъ отъ 12-го іюля 1902 г. № 1655) Областному правленію.

Быль-ли Областнымъ правленіемъ заказанъ Фандѣву памятникъ, или нѣтъ, изъ дѣлъ не видно, но очевидно по этому поводу велись переговоры, такъ какъ въ дѣлѣ имѣются еще два письма Фандѣва. Въ первомъ (отъ 1-го августа 1902 г.) онъ проситъ доставить одежду и вооруженіе и приблизительный

эскизь статуи казака. Къ этому письму приложена смѣта на 2570 руб., изъ коихъ 2500 руб. показано за сооруженіе памятника, а 70 руб. за составленіе проекта.

Второе письмо (отъ 3-го октября 1903 г.) является отвѣтомъ на запросъ,—нельзя-ли использовать при сооруженіи памятника найденныя въ станицѣ Таманской 1000 орудійныхъ ядеръ, вѣсомъ отъ 5 до 14 фунтовъ. Фандѣевъ предлагаетъ изъ этихъ ядеръ сдѣлать ограду вокругъ памятника, если ему дадутъ еще 16 старыхъ орудій.

Больше никакихъ слѣдовъ о порученіи постановки памятника Фандѣеву въ дѣлахъ не имѣется. Переписка прервалась. И слава Богу! Онъ не допустилъ увѣковѣчить дорогую намъ память нашихъ предковъ запорожцевъ памятникомъ изъ осколковъ кирпича и песку. Какъ-бы хорошо ни сдѣлалъ Фандѣевъ бетонный памятникъ, но много-много черезъ одинъ-другой десятокъ лѣтъ отъ него осталось-бы одно грустное воспоминаніе въ видѣ обезображенной фигуры съ отбитымъ носомъ и руками. И въ результатъ получился-бы, не достойный памятникъ славнымъ предкамъ, а какъ говорили наши дѣды и батьки, „ка зна що“. За что, ужъ съ увѣренностью можно сказать, насъ не лестно вспомнили-бы наши потомки.

Въ этомъ-же году 26 октября Войсковымъ Штабомъ (отзывъ № 2411) детальная разработка проекта памятника и составленіе смѣты по идеѣ П. С. Косолапа была предложена классному художнику Б. В. Эдуардсу, сооружавшему въ это время въ г. Екатеринодарѣ, памятникъ Императрицѣ Екатерины II.

Затѣмъ въ письмѣ Начальника Штаба, отъ 24 декабря того-же года за № 3634, говорится о необхо-

димости отлить статую Сидора Бѣлаго, вѣроятно какъ перваго Кошевого Атамана возродившагося войска вѣрныхъ Черноморцевъ.

Проектъ памятника, вѣрнѣе эскизъ, но ужъ почему-то Антону Головатому, художникъ Эдуардсъ прислалъ въ первой половинѣ 1903 г., а въ отвѣтномъ письмѣ Начальника Штаба, отъ 11 іюля 1903 г. № 2206, говорится, что проектъ Наказнымъ Атаманомъ одобренъ и высказано пожеланіе его соорудить, если стоимость сооруженія обойдется не дороже 2500 руб., поэтому просилось доставить подробную смѣту. Послѣдняя, вмѣстѣ съ пояснительной запиской, была доставлена при письмѣ, отъ 5 февраля 1904 г.

Стоимость памятника исчислена въ 24196 руб. 30 коп. Въ объяснительной-же запискѣ говорится, что по мнѣнію составителя проекта, памятникъ сооружается лицамъ, получившимъ мѣсто въ исторіи, и что поэтому памятникъ этотъ долженъ быть сдѣланъ изъ матеріаловъ, могущихъ простоять столѣтія, чтобы такимъ образомъ онъ былъ назидателенъ грядущимъ поколѣніямъ.

Осуществить проектъ при наличности всего 2500 руб. нельзя, но это обстоятельство возможно устранить. Для этого Эдуардсъ рекомендуетъ возбудить ходатайство объ отпускѣ войску 3 тыс. пудовъ стрѣлянныхъ гильзъ или 2100 пудовъ красно-мѣдныхъ поясковъ отъ орудійныхъ снарядовъ.

Матеріалы эти Эдуардсъ предлагаетъ принять по 10 рублей за пудъ красно-мѣдные пояски и по 7 руб. за пудъ гильзы, каковой суммы хватитъ на сооруженіе памятника.

Въ отвѣтъ на это предложеніе въ письмѣ Начальника Штаба, отъ 13 марта 1904 г. № 921, сообщено Эдуардсу, что ему было дано заданіе соорудить па-

мятникъ въ 2500 руб., а имъ сдѣланъ проектъ въ 24 тысячи съ лишкомъ, такимъ образомъ проектъ является не отвѣчающимъ заданію.

Затѣмъ, рекомендованный Эдуардсомъ источникъ добычи недостающихъ средствъ не такъ простъ по осуществленію и рассчитывать на скорое благопріятное его разрѣшеніе нельзя. Начинать-же дорого стоящее сооруженіе теперь, при наличности всего 2500 руб., Наказный Атаманъ не призналъ возможнымъ. Поэтому предлагалось Эдуардсу или ждать, пока возбужденное ходатайство объ отпускѣ указанныхъ выше матеріаловъ получить разрѣшеніе, или же получить проектъ обратно.

Отвѣта никакого не послѣдовало, поэтому проектъ памятника и смѣта остались въ войскѣ. И самое дѣло замерло, такъ какъ никакихъ мѣръ къ сбору денегъ на памятникъ не принималось и ходатайство объ отпускѣ старыхъ гильзъ и орудійныхъ поясковъ не возбуждалось.

Тутъ невольно съ грустью вспомнишь слова поэта

„Суждены намъ благіе порывы,
Но свершить ихъ намъ не дано“.

И изъ задуманнаго чуднаго идейнаго дѣла получилась одна мука безплодныхъ потугъ.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не такъ? Горячо схватились за чудную идею, испросили на осуществленіе ея даже Царское соизволеніе, собрали по горячимъ слѣдамъ на первыхъ порахъ небольшую сумму денегъ, много и многимъ писали, да на томъ и успокоились: „а возъ (почти) и нынѣ тамъ“, гдѣ онъ былъ десять лѣтъ тому назадъ.

Еще въ 1894 г. потомки славныхъ запорожцевъ, Таманцы, подали благую мысль увѣковѣчить память нашихъ славныхъ предковъ чудо-богатырей, и вотъ

прошло цѣлое десятилѣтіе, а дѣло, какъ видно изъ изложеннаго, очень мало подвинулось, да на этомъ маломъ и остановилось безъ малѣйшаго движенія въ теченіе послѣдующихъ нѣсколькихъ лѣтъ.

И „Свѣтій знае“, сколько-бы времени такъ продолжалось, если-бы по волѣ судебъ не явились на выручку случившіяся въ жизни Кубанцевъ два неожиданныя и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сложности высокознаменательныя событія, давно не имѣвшія мѣста въ исторіи казачества. По волѣ нашего Державнаго Вождя 23 декабря 1907 года назначенъ Начальникомъ Войскового Штаба нашъ казакъ станицы Ирклевской, Генераль-Маіоръ Андрей Ивановичъ Кіашко, а 3 февраля слѣдующаго 1908 г. по особому благоволенію къ намъ Кубанцамъ и особому представительству передъ Царемъ Батюшкой нашего казака почетнаго старика и Войскового Наказнаго Атамана, Генераль-Адъютанта Графа Илларіона Ивановича Воронцова-Дашкова, къ намъ назначенъ Наказнымъ Атаманомъ также нашъ „рідний“ казакъ станицы Нововеличковской, Генераль-Лейтенантъ Михаилъ Павловичъ Бабычъ.

Почти одновременно явилось въ войскѣ два большихъ по положенію лица, родныхъ намъ по плоти и крови и уже извѣстныхъ намъ, по прежней ихъ службѣ въ войскѣ, какъ глубоко и сердечно преданныхъ своей родинѣ и ея величію.

Это событіе окрылило многія надежды и упованія Кубанцевъ. Насколько эти надежды оправдались пусть оцѣнитъ исторія войска, мы же, современники ихъ, объ этомъ умолчимъ изъ чувства скромности. Но въ дѣлѣ сооруженія Таманскаго памятника, какъ бы мы не старались молчать, дѣло само за себя кричитъ и рвется наружу. Эти два лица выказали такую

могучую поддержку и благорасположеніе и любовь къ этому дѣлу, что исторія сооруженія памятника является неразрывно связанной крѣпчайшими узами съ ихъ именами. Прошло всего только три съ небольшимъ года, и что-же?—дѣло подвинулось настолько безпримѣрно быстро, что нынѣ мы видимъ памятникъ осуществленнымъ.

Еще весной 1911 года время сооруженія памятника было подъ большимъ сомнѣніемъ, а ужъ осенью того-же года памятникъ готовъ и открытъ.

„Подякуем“—же Кубанцы имъ, нашимъ „ріднимъ батькамъ“, за это отъ нашего щираго казачьяго сердца и скажемъ: „слава о Васъ не умреть и не сгинеть,—она будетъ жить въ сердцахъ нашихъ и нашихъ дѣтей на многіе-многіе годы“.

Проявляя любовь къ увѣковѣченію своихъ и нашихъ дѣдовъ и отцовъ, Вы тѣмъ самымъ увѣковѣчили и свои имена.

Пишущій эти строки, спустя нѣкоторое время по прибытіи на Кубань Генераловъ Бабыча и Кіяшко, взялъ на себя смѣлость представить своему прямому начальнику, Генералу Кіяшко, докладную записку, отъ 31 марта 1908 года за № 1395, въ коей изложилъ вкратцѣ грустную исторію этого забытаго дѣла, для представленія объ этомъ нашему родному Кошевому.

Генераль Кіяшко съ сердечнымъ сокрушеніемъ прочиталъ записку и тутъ-же поставилъ себѣ въ обязательство представить ее Наказному Атаману, сильно рассчитывая на благорасположеніе послѣдняго.

Разсчеты эти превзошли всѣ ожиданія. Генераль Бабычъ, не только благожелательно и съ любовью отнесся къ этому дѣлу, но какъ передавалъ затѣмъ

Генераль Кіашко, высказаль сердечное сокрушеніе и грусть по поводу забытаго дѣла, которое твердо рѣшилъ осуществить въ ближайшемъ будущемъ, глубоко вѣря въ его жизненность.

Усмотрѣвъ затѣмъ изъ изложеннаго, что слабое поступленіе денегъ на памятникъ, и то на первыхъ порахъ по объявленіи подписки въ 1898 г., произошло не отъ несочувствія этой мысли среди массы казаковъ, а скорѣе вслѣдствіе отсутствія въ настойчивомъ напомниманіи объ этомъ со стороны ближайшихъ административныхъ органовъ войска, въ результатѣ чего и явилось почти полное забвеніе этого дѣла, Наказный Атаманъ рѣшилъ обратиться къ казакамъ съ новымъ воззваніемъ и призывомъ пожертвованію на это святое и родное войску дѣло.

Воззваніе это изложено въ слѣдующемъ приказѣ войску за № 251, вышедшимъ 12 іюля 1908 г.

„Въ 1894 году у общества ст. Таманской возникла мысль о сооруженіи въ названной станицѣ памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1792 году впервые высадились на Таманскій полуостровъ (бывшую Фанагорію) запорожскіе казаки, образовавшіе затѣмъ Черноморское, нынѣ, по слияніи съ Линейнымъ, Кубанское казачье войско.

Желая этимъ сооруженіемъ увѣковѣчить одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ въ исторіи возникновенія и жизни родного намъ войска, Таманцы, при обсужденіи этого вопроса на станичномъ сборѣ, пришли къ совершенно правильному рѣшенію, что памятникъ этотъ не можетъ быть сооруженъ на средства только одной ихъ станицы, а въ сооруженіи его вправѣ и должны принять участіе прежде всего всѣ станицы, составлявшія раньше Черноморское казачье войско, а затѣмъ и всѣ тѣ Кубанцы, кому дороги славныя преданія старины глубокой и память о нашихъ доблестныхъ предкахъ Запорожцахъ, много послужившихъ дорогой намъ Родинѣ, много положившихъ жизни на возвеличеніе

ея и тѣмъ снискавшихъ милость и благоволеніе Великой державной Императрицы Екатерины II, которая, какъ значитъ въ ея грамотѣ: „желая воздать заслугамъ войска Черноморскаго утвержденіемъ вѣдшнѣго его благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, Всемилостивѣйше пожаловала оному въ вѣчное владѣніе состоящій въ области Таврической островъ Фанагорію (нынѣ Тамань) со всею землею, лежащею на правой сторонѣ р. Кубани, отъ устья ея къ Усть-Лабинскому реду, такъ, чтобы съ одной стороны р. Кубань, съ другой же стороны Азовское море до Ейскаго городка, служили границею войсковою земли“.

Такимъ образомъ мы, Кубанцы, обладающіе нынѣ богатѣмъ по изобилію во всѣхъ отношеніяхъ краемъ, обязаны этимъ исключительно нашимъ доблестнымъ предкамъ Запорожцамъ, которые, какъ значитъ въ той же Высочайшей грамотѣ, усердной и ревностной службой, „храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами“, заслужили щедрый даръ Милостивой Царицы на благо и пользу нашу, ихъ потомковъ, и мы, конечно, не можемъ не быть признательными имъ за все это. Не могутъ потомки рыцарей Запорожцевъ забыть вѣчно славныхъ и дорогихъ намъ именъ первыхъ Черноморскихъ Кошевыхъ Атамановъ: Захара Чепѣги, Сидора Бѣлаго и Антона Головатаго, которые явились ходатаями у Царицы о пожалованіи земли, поселили Черноморцевъ на теперешнихъ ихъ мѣстахъ и первые трудились надъ созданіемъ войска и будущаго его благополучія.

Великіе были хлопоты и труды указанныхъ выше великихъ для насъ людей, много ставилось имъ препонъ и стѣсненій и тѣмъ не менѣе труды ихъ увѣнчались успѣхомъ и они достигли намѣченной цѣли—земля была дарована.

Представьте же себѣ, Кубанцы, неописуемое счастье нашихъ предковъ, вѣрныхъ казаковъ Черноморцевъ, когда они получили давно жданный Высочайшій даръ,—приведенную выше въ выдержкѣ грамоту на пожалованную землю.

Возвращеніе главнаго войскового ходатая, Атамана Головатаго въ кругъ „товариства“, какъ повѣствуетъ историкъ*), было днѣмъ великой радости для Черноморцевъ. Казаки ликовали, пили и пѣли сочиненную Головатымъ на сей случай пѣсню:

„Ой, годі нам журитися,
 Пора перестати,
 Заслужили у Цариці
 За службу заплати!
 Дала хлѣб, сѣль и грамоти
 За вірнія служби,
 Оттеперь ми, милі браття,
 Забудем всі нужди.
 В Тамані жить, вірно служити,
 Грядицю держати.
 Рибу ловить, горілку пить,
 Ще й будем богаті!“

и т. д.

Пѣсня эта для насъ, Кубанцевъ, потомковъ Запорожцевъ, имѣетъ глубокой исторической смыслъ, исчерпанный изъ Высочайшей грамоты, пожалованной Черноморскому войску 30 іюля 1792 года.

Чтобы понять ее надо вспомнить, что наши предки Запорожцы, послѣ разрушенія роднаго ихъ гнѣзда— „сѣчи,“ разселились по разнымъ мѣстамъ, многіе переебрались въ Турцію, многіе скитались, оставаясь долгое время безъ пристанища, и всѣ терпѣли великую нужду и горе и вотъ, приведеннымъ выше великимъ актомъ Милостивой Царицы, вновь Запорожцы собираются въ одну родную по крови и духу семью и даже получаютъ въ вѣчный даръ богатый край, чтобы, забывъ свои „журбы“ и „нужды“, вновь возродиться въ цѣлое могучее войско, предаться труду, веселю и быть богатыми.

Представьте же себѣ то благоговѣніе, съ какимъ наши предки вступили впервые на дарованную имъ землю. Случилось это 25-го августа 1792 года и день тотъ, такимъ образомъ, для насъ является историческимъ. Съ него началось возрожденіе Черноморскаго казачьяго войска, чтобы, какъ значитъ въ Высочай-

*) П. Короленко.—Первые четыре Атамана бывшаго Черноморскаго казачьяго войска.

шей грамотѣ, „не только бдительно охранять границы, соблюсти имя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрно употребить стараніе заслужить званіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ внутреннимъ благоустройствомъ и распространеніемъ семейнаго житія“.

Въ знакъ признательности за благодѣяніе и Высочайше дарованную грамоту, мы, Кубанцы, воздвигли въ гор. Екатеринодарѣ памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II, благодѣтельница нашей, а въ знакъ такого событія, какъ первое вступленіе на Высочайше дарованную землю, какъ я выше упомянулъ, казаки станицы Таманской, какъ вѣрные сыны Кубани, на общественномъ сборѣ, 6 марта 1894 года подъ предсѣдательствомъ своего станичнаго Атамана, Сотника В. И. Толстопята, имѣли сужденіе о томъ, что „1-го октября 1894 года исполнится сто лѣтъ со дня основанія въ станицѣ Таманской (первой въ области) Церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а также, что въ нынѣшней станицѣ Таманской въ 1792 году въ августѣ мѣсяцѣ вѣрные Черноморскіе казаки впервые высадились на дарованную землю, постановили ходатайствовать объ открытіи подписки на сооруженіе въ Таманской станицѣ въ память этого знаменательнаго событія памятника, ассигновавъ съ своей стороны изъ общественныхъ суммъ станицы 500 рублей“.

Ходатайство Таманскаго станичнаго общества было повергнуто Военнымъ Министромъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе и получило еще въ 1895 году Высочайшее одобреніе.

Вслѣдъ за симъ, бывшій Наказный Атаманъ, нынѣ членъ Военнаго Совѣта, Генераль-отъ-кавалеріи Малама, обратился ко всѣмъ частямъ, станицамъ и казакамъ—Кубанцамъ съ воззваніемъ о подпискѣ на памятникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по Войсковому Штабу велась переписка о составленіи проекта будущаго памятника.

Вступивъ въ управленіе Высочайше ввѣреннымъ мнѣ роднымъ войскомъ, съ великимъ огорченіемъ я узналъ, что дѣло о сооруженіи памятника подвигается весьма плохо и главной причиною этому, какъ оказывается, къ стыду нашему, служитъ недостатокъ пожерт-

вованій, что, увѣренъ, произошло не отъ несочувствія къ самой идеѣ созданія памятника, а вѣроятно вслѣдствіе небрежности лицъ, въ руки коихъ попали подписные листы.

Мнѣніе это я вывожу изъ того, что изъ 523 подписныхъ листовъ, разосланныхъ въ 1898 году, только немногіе вернулись въ Штабъ, остальные же остались безъ всякаго отвѣта.

По полученнымъ же подписнымъ листамъ собрано всего съ наросшими % 2612 руб. 56 коп., не считая 500 руб., ассигнованныхъ для этой цѣли обществомъ станицы Таманской. Считая же и эти деньги, войско на сооруженіе памятника располагаетъ всего 3112 руб. 56 коп., каковой суммы, каждому понятно, далеко недостаточно для сооруженія болѣе или менѣе приличнаго, данному историческому событію, памятника, долженствующаго быть назидательнымъ для грядущихъ поколѣній на многіе годы, а для этого необходимо, чтобы памятникъ этотъ, во 1-хъ, выражалъ собой идею даннаго событія, а во 2-хъ, былъ изященъ и сооруженъ изъ такихъ матеріаловъ, которые могли бы простоять столѣтія.

Изъ всѣхъ предложенныхъ проектовъ памятника лучшимъ по мысли и изображенію идеи является проектъ, выработанный инженеръ-скульпторомъ Эдуардомъ, соорудившимъ памятникъ въ Екатеринодарѣ Императрицѣ Екатеринѣ II, но для осуществленія этого, во всѣхъ отношеніяхъ хорошаго, проекта требуется не менѣе 25 тыс., т. е. не хватаетъ къ уже собранному около 22 тыс. рублей.

Сумма эта можетъ показаться на первый взглядъ большой, но для цѣлаго войска она является ничтожной. Многія Черноморскія станицы въ отдѣльности обладаютъ общественными капиталами въ нѣсколько десятковъ тысячъ и даже нѣкоторые имѣютъ сотни тысячъ; вслѣдствіе этого, я еще разъ высказываю увѣренность, такія станицы всегда пойдутъ навстрѣчу благому начинанію отчисленіемъ изъ своихъ общественныхъ суммъ нѣсколькихъ сотенъ или даже тысячъ рублей на увѣковѣченіе памяти о столь знаменательномъ событіи и если

еще не сдѣлали этого, то повторяю, лишь по небрежности лицъ, получившихъ подписные листы и не дожившихъ въ свое время объ этомъ сборамъ.

Нынѣ, поставивъ себѣ задачу осуществить въ возможно ближайшее время благую мысль общества станицы Таманской о сооруженіи памятника, обращаюсь къ вамъ, родные мнѣ Кубанцы, со вторымъ воззваніемъ и призывомъ поддержать начатое уже дѣло. Я твердо вѣрю, что вы любите родное наше войско, стремитесь и дѣлаете все, что служить ему на пользу и славу, и поэтому, конечно, не откажетесь и пойдете навстрѣчу призыву своего родного Атамана, стремящагося осуществить мысль объ увѣковѣченіи такихъ знаменательныхъ событій, какъ первый день вступленія нашихъ предковъ на Высочайше дарованную землю и закладка первой церкви, въ которой вѣрные казаки изливали свои мольбы Подателю всѣхъ земныхъ благъ, которыми и мы, ихъ потомки, пользуемся. Мы должны гордиться тѣмъ, что на нашу именно долю выпало счастье увѣковѣчить памятникомъ эти событія. Потомки наши вѣчно будутъ благодарны намъ за наше признательное дѣло. Какъ бы не былъ малъ взносъ cadaго въ отдѣльности на исполненіе общаго нашего желанія, но, при общемъ сочувствіи, всѣ эти, въ отдѣльности малые, взносы, въ общей сложности могутъ дать сумму, вполне достаточную для устройства памятника.

Къ вамъ станицы Черноморскія, обращаюсь отдѣльно. Вы являетесь прямыми потомками вашихъ отцовъ и дѣдовъ, прибывшихъ на теперешнія ваши владѣнія, вы пользуетесь всѣми благами края, добытаго ихъ кровью и трудами, вы, какъ сказалъ въ своей пророческой пѣснѣ Кошевой Атаманъ, Антонъ Головатый, дѣйствительно безъ „журбы“ живете богато, поэтому вамъ то и слѣдуетъ особо откликнуться на это дѣло и, кромѣ личныхъ пожертвованій, пойти на встрѣчу ему отчисленіемъ нѣкоторой суммы изъ вашихъ, во многихъ случаяхъ, весьма значительныхъ общественныхъ капиталовъ.

Прошу Командировъ отдѣльныхъ частей и Начальниковъ учрежд. и управл. ввѣреннаго мнѣ войска предложить этотъ приказъ вниманію подвѣдомствен-

ныхъ имъ г.г. офицеровъ и находящихся въ ихъ вѣдѣніи казаковъ.

Предлагаю ст. Атаманамъ, по полученіи приказа этого въ ихъ станицахъ, немедленно на полныхъ сходахъ прочесть его сбору и предложить вниманію всѣхъ казаковъ, кому дорога память нашихъ предковъ, слава и величіе родного намъ войска“.

Возлагавшіяся на этотъ приказъ надежды, къ нашей, казаковъ, радости, оправдались, можно сказать, блестяще. А вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе блестяще оправдалось убѣжденіе нашего Кошевого Атамана, что дѣло это жизненно и близко казакамъ, что сердце Кубанца всегда отзывчиво къ благому начинанію и что если оно до сего времени и молчало, то лишь потому, что къ нему не обратились и не затронули его.

Почти вслѣдъ за изданіемъ приказа № 251 въ Войсковой Штабъ стали поступать пожертвованія на памятникъ болѣе или менѣе значительными суммами, отчисляемыми станицами изъ своихъ общественныхъ капиталовъ. Немало поступило денегъ и отъ строевыхъ частей, собранныхъ среди казаковъ. Въ подтвержденіе этого скажемъ, что къ концу этого-же года было всего собрано болѣе 12 тысячъ рублей.

Ободренный такимъ положеніемъ дѣла Войсковой Штабъ, въ лицѣ его Начальника, Генераль-Маіора Кіашко, съ разрѣшенія Наказнаго Атамана, вошелъ вновь въ сношеніе съ составителемъ проекта Художникомъ Эдуардсомъ.

15 ноября 1908 г. въ письмѣ за № 4748 ему напоминали о томъ, что въ Войсковомъ Штабѣ имѣется его проектъ и смѣта на Таманскій памятникъ, присланные еще въ 1904 году. Сообщалось, что вновь собираются деньги на эту надобность, что уже имѣются нѣкоторыя поступления, но не питая надежду

собрать полностью по его смѣтѣ сумму (24196 р. 30 коп.), является настоятельной необходимостью изыскать способы удешевленія сооруженія.

Послѣдними намѣчаются, во 1-хъ, возможная скидка со смѣты, если осуществленіе проекта будетъ поручено Эдуардсу, а во 2-хъ, исполненіе нѣкоторыхъ работъ хозяйственнымъ способомъ, при коемъ имѣется въ виду сдѣлать нѣкоторыя сбереженія. Въ заключеніе письма просилось сообщить свои соображенія.

Очевидно г-нъ Эдуардсъ забылъ о составленномъ имъ проектѣ, такъ какъ 22-го того-же ноября отъ него получена телеграмма, въ коей просится доставить ему копию смѣты и хотя-бы фотографическій снимокъ проекта.

Просимое ему по изготовленіи отправлено во второй половинѣ декабря. Одновременно подлинная смѣта на памятникъ была отправлена въ Кубанское Областное Правленіе для провѣрки расчетовъ и утвержденія, каковое состоялось 18 февраля 1909 г., причеиъ смѣта нѣсколько сокращена. Въмѣсто 24196 р. 30 к. исчислено 22750 р. 15 к.

Въ январѣ-же 1909 г. получено отвѣтное письмо художника Эдуардса (отъ 20 января), въ коемъ проводится мысль, что вздорожаніе матеріаловъ и рабочихъ рукъ почти на 30% лишаютъ возможности его, Эдуардса, пойти широко навстрѣчу желанію Наказнаго Атамана по сокращенію смѣты, которая будто-бы и такъ составлена весьма экономно.

Тѣмъ не менѣе Эдуардсъ предлагаетъ исполнить хозяйственнымъ способомъ мостовыя работы и желѣзную ограду, съ остальныхъ-же работъ, кромѣ художественныхъ, сдѣлать скидку въ 12%, или по его исчисленію всего 1432 р. 41 к. съ составленной имъ смѣты.

Нельзя сказать, чтобы Г. Эдуардсъ былъ щедръ на уступку съ „экономно“ составленной имъ смѣты.

Его скидка исчислена всего въ 1432 р. 41 к., а между тѣмъ его „экономную“ смѣту Областное Правленіе при утвержденіи урѣзало на 1446 р. 15 к. Такимъ образомъ уступка Эдуардса сводилась на нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, зная Г. Эдуардса, по исполненію имъ памятника Императрицѣ Екатеринѣ II въ Екатеринодарѣ, какъ вполне надежнаго исполнителя и знатока этого дѣла и надѣясь убѣдить его сдѣлать болѣе реальную уступку съ утвержденной Областнымъ правленіемъ смѣты, Наказный Атаманъ выразилъ желаніе лично переговорить съ Эдуардсомъ, для чего послѣдній и приглашался, въ случаѣ желанія, прибыть въ Екатеринодаръ (письмо 29 января 1909 г. № 399).

А затѣмъ, какъ только была утверждена Областнымъ Правленіемъ смѣта, въ рапортѣ Войсковому Наказному Атаману Кавказскихъ казачьихъ войскъ, отъ 21 февраля 1909 г. № 701, было возбуждено ходатайство объ утвержденіи проекта памятника и о разрѣшеніи войску приступить къ сооруженію.

Въ рапортѣ этомъ вкратцѣ изложена исторія возникновенія мысли соорудить этотъ памятникъ и положеніе этого дѣла и финансовъ до 1908 года.

Затѣмъ указано, что послѣ новаго обращенія къ казакамъ, ко дню возбужденія настоящаго ходатайства всего за 6 мѣсяцевъ уже собрано 12103 р. 8 к., что пожертвованія продолжаютъ поступать, такъ какъ идея сооруженія Таманскаго памятника получила среди Кубанцевъ общее сочувствіе, которое даетъ полное основаніе высказать увѣренность въ сборѣ всей необходимой суммы ко времени полученія утвержд-

деннаго проекта памятника и разрѣшенія приступить къ постройкѣ.

18 марта 1909 г. (отзывъ за № 8198) Штабъ Кавказскаго военного округа сообщилъ, что Войсковой Наказный Атаманъ, отнесясь съ своей стороны весьма сочувственно къ постройкѣ Таманскаго памятника, имѣющаго громадное историческое значеніе для Кубанскаго войска, сдѣлалъ представленіе объ утвержденіи проекта памятника и о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ теперь-же. Но при этомъ высказалъ свое мнѣніе, что пьедесталь памятника „казалось-бы, слѣдовало нѣсколько уширить, такъ какъ по проекту онъ узокъ и не вполнѣ соотвѣтствуетъ красивой фигурѣ Головатаго“.

При этомъ необходимо замѣтить, что въ упомянутомъ выше ходатайствѣ Наказнаго Атамана за № 701 впервые говорится о желаніи соорудить памятникъ Антону Головатому, по слѣдующимъ соображеніямъ.

„Хотя первая партія запорожцевъ въ ст. Таманскую прибыла подъ начальствомъ Полковника Саввы Бѣлаго, но главнымъ ходатаемъ и, такъ сказать, виновникомъ пожалованія этой земли является войсковой судья Антонъ Головатый, бывшій впоследствии Кошевымъ Атаманомъ войска Черноморскаго, почему высказано (когда и кѣмъ—неизвѣстно) желаніе, чтобы статуя запорожца воплощала собой этого историческаго дѣятеля, благодаря трудамъ и энергіи коего послѣдующія поколѣнія запорожцевъ пользуются щедрыми дарами милостивой Царицы“.

Представленіе Войскаго Наказнаго Атамана было разсмотрѣно Военнымъ Совѣтомъ 18 апрѣля того-же года и къ великому огорченію успѣхомъ не

увѣнчалось (отзывъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ 22 апрѣля 1909 года № 7996).

Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ ходатайство, нашель, что на постройку памятника собрано всего 12103 руб., по смѣтѣ-же это сооруженіе исчислено въ 22750 р. Такимъ образомъ собрано немного больше половины и недостаетъ еще свыше 10 тысячъ р., поступленіе коихъ въ будущемъ гадательно.

Поэтому, не усматривая никакой спѣшности сооруженія памятника, такъ какъ столѣтіе водворенія на Кубани запорожцевъ, къ которому могло быть приурочено открытіе этого памятника, исполнилось еще въ 1892 г., Военный Совѣтъ постановилъ: ходатайство Наказнаго Атамана объ утвержденіи проекта памятника и о разрѣшеніи приступить къ сооруженію отклонить, предложивъ вновь войти объ этомъ съ представленіемъ, когда будетъ собрана вся сумма на осуществленіе проекта.

Такъ временно дѣло сооруженія памятника затормозилось, но это тѣмъ не менѣе нисколько не убавило энергіи у работниковъ на мѣстѣ. Все шло своимъ чередомъ. Продолжали поступать деньги и не прерывались переговоры по выясненію наиболѣе дешеваго способа осуществленія любовно взлелѣянной мечты.

Въ отвѣтъ на посланное 29 января приглашеніе Эдуардсу прибыть для личныхъ переговоровъ въ Екатеринодаръ, онъ выразилъ готовность явиться недѣли черезъ 2—3, но этого не исполнилъ. Свиданіе состоялось послѣ нѣсколькихъ напоминаній лишь 5 іюля въ станицѣ Таманской, гдѣ тогда-же было окончательно выбрано мѣсто постановки памятника и рѣшено для расширенія сквера вокругъ памятника и для приданія ему большей красоты со стороны моря, ку-

пить лежащей впереди намеченного подь памятникъ мѣста планъ частнаго владѣнія.

Свиданіе это особенно ощутительныхъ результатовъ не имѣло. Тѣмъ не менѣе Эдуардсъ, собравъ свѣдѣнія о стоимости строительныхъ матеріаловъ на мѣстѣ, способы ихъ доставки и изслѣдовавъ грунтъ, обѣщаль въ ближайшемъ будущемъ, по прибытіи домой, составить новую смѣту съ нѣкоторыми сокращеніями.

Имѣя это въ виду, Наказный Атаманъ, по возвращеніи изъ Тамани, 8 іюля рапортомъ за № 2893 вновь возбудилъ ходатайство передь Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ объ утвержденіи проекта и о разрѣшеніи приступить къ сооруженію, въ виду того, что къ этому времени уже собрана сумма, почти равная стоимости. Но сама сумма точно не обозначена, такъ какъ тогда еще не было извѣстно, какую уступку сдѣлаеть Эдуардсъ.

Имѣя на лицо уже одинъ отказъ Военнаго Совѣта и не желая очевидно получить другой, Окружный Штабъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ осторожно. Онъ потребовалъ точно указать, какую уступку со смѣты дѣлаеть Эдуардсъ и какова наличная сумма собранныхъ на памятникъ денегъ.

На двукратный запросъ объ этомъ по телеграфу Эдуардса, послѣдній телеграммой сообщилъ, что стоимость памятника по новой смѣтѣ съ увеличеннымъ фундаментомъ и гранитомъ исчислена въ 22168 р., не считая стоимости проекта и модели.

Но вслѣдъ за симъ, а именно 5 сентября, было получено письмо Эдуардса отъ 30 августа съ новой смѣтой, которая, какъ оказалось, исчислена въ 22875 руб. 56 к., т. е. на 707 р. 56 к., болѣе чѣмъ указывалось въ телеграммѣ, да кромѣ того, какъ упомяну-

то выше, въ эту сумму не включены еще стоимость проекта и модели, за которыя, какъ пишетъ Эдуардсъ „по таксъ технического общества мнѣ причитается: 1921 р. 50 к. за проектъ и 1500 руб. за модель, а всего 3421 р. 50 к.“

Если-же присоединить эту сумму къ стоимости памятника (22875 р. 56 к.), исчисленную по вновь присланной смѣтѣ, то окажется, что памятникъ обойдется въ 26297 р. 06 к.

Такимъ образомъ Эдуардсъ не только не сдѣлалъ обѣщанной уступки съ прежней смѣты, но наоборотъ значительно увеличилъ послѣднюю, ссылаясь на увеличеніе объема гранитнаго пьедестала и глубины и объема фундамента.

Второе ходатайство объ утвержденіи проекта памятника и о разрѣшеніи постройки также не имѣло успѣха.

Проектъ памятника Главнымъ Управленіемъ казачьихъ войскъ былъ переданъ въ Главное Инженерное Управленіе, а послѣднее препроводило его на заключеніе Императорской Академіи художествъ, которая (отзывъ 12 сентября 1909 г. № 2719) хотя и не встрѣтила препятствій къ осуществленію проекта, но при непремѣнномъ условіи исправленія нѣкоторыхъ существенныхъ деталей пьедестала, которому помимо того надо придать большій монолитный характеръ.

Руководствуясь этимъ, Главное Инженерное Управленіе журналомъ своимъ, отъ 24 сентября 1909 г. № 39, постановило возвратить проектъ для переработки, согласно указаній Академіи и для представленія подробныхъ чертежей фундамента и пьедестала.

Исполненіе этой работы было поручено тому-же художнику Эдуардсу, отъ котораго переработанный

проектъ съ новой смѣтой, третьей по счету, полученъ 5 января 1910 г., при чемъ какъ сказано въ его письмѣ отъ 30 декабря 1909 года новый проектъ составленъ согласно указаній Академіи Художествъ и Главнаго Инженернаго Управленія, что вызвало значительное увеличеніе объема пьедестала и фундамента, а это въ свою очередь повлекло за собой вздорожаніе сооруженія, которсе по новой смѣтѣ исчислено уже въ 35229 руб. 03 коп. При этомъ опять не включены въ смѣту стоимость проекта и модели, за которыя, какъ упомянулось выше, Эдуардсъ считаетъ себя въ правѣ получить особо 3421 руб. 50 коп. Хотя смѣта эта, по провѣркѣ ея Областнымъ Правленіемъ, нѣсколько уменьшена и утверждена въ суммѣ 31754 руб. 31 коп., но тѣмъ не менѣе это неожиданное значительное увеличеніе стоимости памятника вновь явилось тормазомъ, такъ какъ для осуществленія постройки такой суммы въ наличности не было, а безъ этого, какъ мы уже знаемъ, нечего было напрасно и возбуждать ходатайство о разрѣшеніи постройки.

Для изысканія недостающей суммы вновь пришлось обратиться къ станицамъ, которыя пошли на встрѣчу этому вторичному призыву, что и дало возможность 13 марта 1910 года (рапортъ № 993) возбудить то-же ходатайство уже въ 3-й разъ, съ представленіемъ вновь переработанныхъ проекта и смѣты.

Въ этомъ ходатайствѣ убѣдительно просилось утвердить проектъ и разрѣшить постройку, на которую хотя недостаетъ еще нѣкоторой суммы, но послѣдняя скоро поступитъ частью отъ станицъ, а частью отъ процентовъ на собранные раньше капиталы.

Затѣмъ въ томъ-же рапортѣ, между прочимъ, говорится, что на проектѣ значится, что памятникъ

сооружается „Антону Головатому“, какъ бывшему Кошевому Атаману Черноморскаго казачьяго войска. Между тѣмъ по первоначальной идеѣ предполагалось этотъ памятникъ соорудить въ ознаменованіе столѣтія со времени первой высадки запорожцевъ у Тамани.

По историческимъ даннымъ Антонъ Головатый, состоя въ должности войскового судьи, являлся главнымъ ходатаемъ запорожцевъ передъ Императрицей Екатериной II о пожалованіи имъ Черноморскихъ земель и, благодаря его особымъ стараніямъ, означенное пожалованіе и состоялось, но первая партія на Таманскій полуостровъ пришла и высадилась подъ начальствомъ Полковника Саввы Бѣлаго. А такъ какъ памятникъ сооружается „первымъ запорожцамъ, высадившимся 25 августа 1792 года на Таманскій полуостровъ“, каковая надпись проектирована на памятникъ, то дабы исторически было правильно, поставленная на пьедесталѣ фигура будетъ изображать собой не Антона Головатаго, а рядового запорожца со знаменемъ, радостно вступившаго на твердыню острова Фанагоріи послѣ долгаго и труднаго странствованія на утлыхъ челнокахъ по бурному Черному морю“.

Это третье ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, но лишь частичнымъ.

Проектъ и смѣта Главнымъ Управленіемъ казачьихъ войскъ вновь были переданы на разсмотрѣніе Главнаго Инженернаго Управленія.

Послѣднее въ засѣданіи своемъ 12 мая 1910 г. нашло, что въ представленномъ проектѣ художника Эдуардса вновь усмотрѣны недостатки въ архитектурномъ и конструктивномъ отношеніяхъ. А именно: высота ступеней пьедестала велика; подготовленная для надписи плоскость на камняхъ искусственно скры-

ваеть разрѣзку камней; не соблюдена перевязка швовъ; гребни въ камняхъ, проектированные для связки одного ряда съ другимъ, не прочны, — точная пригонка ихъ въ пазы затруднительна; верхній рядъ кладки не слѣдуетъ составлять изъ нѣсколькихъ камней, а лучше образовать изъ одной глыбы; глубина фундамента ничѣмъ не мотивирована.

На сколько существенны были найдены недочеты проекта, мы не беремся судить, но вполне допустимо, что они могли послужить основаніемъ къ новому возвращенію проекта для исправленія. Но этого не послѣдовало. Тутъ на выручку явился непрощенный добрый человекъ, пошли, Боже, ему здоровья! Это членъ инженернаго комитета, Академикъ архитектуры Александръ Ивановичъ Фонъ-Гогенъ, который для исправленія указанныхъ недочетовъ составилъ свои чертежи.

Разсмотрѣвъ послѣдніе, Главный Инженерный Комитетъ журналомъ отъ 12 мая 1910 г. за № 376 постановилъ:

1) Утвердить чертежи, составленные академикомъ Фонъ-Гогеномъ, въ коихъ устранены указанные выше недостатки;

2) Необходимую глубину фундамента выяснить изслѣдованіемъ грунта;

3) Сумму, исчисленную на сооруженіе памятника 31754 руб. признать не преувеличенной и принять къ свѣдѣнію;

4) Постройку памятника желательно сдать по конкуренціи между нѣсколькими фирмами.

Такимъ образомъ, наконецъ, утвержденіе проекта состоялось, но разрѣшенія на сооруженіе его все-же еще не дано до сбора всей необходимой суммы, а послѣдняя еще не была собрана полностью.

Поступленія отъ станицъ къ этому времени почти прекратились, такимъ образомъ всецѣло разсчитывать на это было нельзя. Затѣмъ хотя капиталы и увеличивались постепенно нарощеніемъ процентовъ, но все это не устраивало дѣло такъ скоро, какъ-бы этого хотѣлось лицамъ, сердечно преданнымъ идеѣ скорѣйшаго сооруженія памятника.

Такими лицами и при томъ главными, какъ упоминалось выше, являлись все тѣ-же наши Наказный Атаманъ М. П. Бабычъ и Начальникъ Штаба А. И. Кіяшко. Ихъ сильно сокрушала мысль о дальнѣйшей отсрочкѣ постройки памятника, задуманнаго еще 16 лѣтъ тому назадъ.

Вопросъ объ изысканіи недостающей суммы въ настоящемъ положеніи дѣла являлся вопросомъ cardinalнымъ, настоятельно требующимъ своего положительнаго разрѣшенія, такъ какъ безъ этого не могло быть испрошено и разрѣшеніе приступить къ работамъ.

Трудная была задача, но доброе и любящее сердце, всей душой преданныхъ этому дѣлу, нашихъ „ріднихъ батьків“ подсказало имъ рѣшеніе.

Послѣ нѣкотораго напряженія ими были изысканы средства, не только достаточныя на сооруженіе памятника, но еще и на покупку плана, лежащаго впереди сквера, избраннаго для постановки памятника.

Это благопріятное разрѣшеніе труднаго вопроса вновь воскресило надежды на скорое осуществленіе давней мечты, и съ этого времени дѣло сооруженія памятника пошло ускореннымъ темпомъ и уже безостановочно.

4-го октября 1910 года Генераль-Маіоръ Кіяшко представилъ Наказному Атаману пространный докладъ за № 4398.

Въ докладѣ этомъ подробно изложено данное положеніе дѣла, высказана необходимость безотлагательно исходатайствовать разрѣшеніе приступить къ постройкѣ и настоятельно испрашивалось распоряженіе теперь-же приступить къ подготовительной организаціонной работѣ, дабы ничто не помѣшало скорому сооруженію памятника, какъ только на это будетъ получено разрѣшеніе.

А что эта предварительная работа нужна была, всего лучше видно изъ слѣдующей выдержки этого доклада.

„Второй, не менѣе существенный вопросъ, подлежащій, по мнѣнію моему, разрѣшенію теперь же, это—организація осуществленія сооруженія.

Отъ болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія этого вопроса во многомъ будетъ зависѣть удачное и скорое выполненіе сооруженія самаго памятника.

Вашему Превосходительству какъ-то угодно было высказать мысль, что всего лучше было-бы поручить постройку памятника автору проекта, художнику Эдуардсу, какъ человѣку опытному по сооруженію памятниковъ и извѣстному войску по сооруженію въ Екатеринодарѣ памятника Императрицъ Екатерины II-й.

Инженерный же комитетъ Главнаго Инженернаго Управленія, какъ доложено выше, высказалъ въ своемъ журналѣ мнѣніе, что „постройку памятника желательно сдать по конкуренціи между нѣсколькими фирмами.“

Съ одной стороны, конечно, желательно постройку памятника поручить такому лицу, какъ художникъ Эдуардсъ, извѣстность и опытность коего является нѣкоторой гарантіей удачнаго сооруженія, а съ другой—сдача этой постройки безъ участія конкурентовъ несомнѣнно удорожитъ сооруженіе, такъ какъ

г-нь Эдуардсъ, зная свое преимущество, возможно и не пойдет на уступки. Затѣмъ сдача постройки другому лицу, не Эдуардсу, вѣроятно, вызоветъ со стороны послѣдняго требованіе уплаты ему авторскихъ за проектъ памятника и въ какой суммѣ выразится это требованіе, неизвѣстно, такъ какъ по этому поводу никакихъ переговоровъ не было.

Все это такіе вопросы, которые во избѣжаніе нежелательныхъ, конечно дурныхъ послѣдствій и неизбѣжныхъ нареканій въ будущемъ, на мой взглядъ, не могутъ быть рѣшены кѣмъ-либо единогласно, а подлежатъ коллективному обсужденію и рѣшенію съ участіемъ специалистовъ. Затѣмъ такого рода обсужденія и окончательное принятіе того или иного рѣшенія по поводу постройки памятника, по мнѣнію моему, будутъ имѣть обязательную силу для будущаго лишь въ томъ случаѣ, когда эти рѣшенія будутъ приниматься лицами, прямо причастными къ самой постройкѣ и отвѣтственными за все, а не случайными работниками, какъ въ данномъ случаѣ нѣкоторыми чинами изъ состава Войскового Штаба, которые сами по себѣ хотя преданы всей душой этому дѣлу, но для нихъ эта работа является побочной.

Въ виду этого, казалось бы, всего лучше теперь-же было-бы своевременно учредить строительный комитетъ памятника, въ который и передать всѣ дѣла за памятникъ и поручить ему детально обсудить всѣ вопросы, связанные съ этой постройкой.

Докладывая изложенное, испрашиваю по этому поводу Вашего указанія, при этомъ считаю необходимымъ присовокупить, что будущій комитетъ, предварительно обсуждая свою будущую работу самой постройки памятника, возможно придетъ къ такому рѣшенію, что сооруженіе это осуществить отчасти

хозяйственнымъ способомъ, а отчасти подряднымъ, при участіи даже нѣсколькихъ подрядчиковъ. Поводомъ къ такому возможному рѣшенію, на мой взглядъ могутъ послужить слѣдующія соображенія:

Вникнувъ въ смѣту постройки памятника, оказывается, что работа ея раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ, могущихъ быть исполненными съ успѣхомъ отдѣльными лицами.

Такъ, смѣта эта состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

	По смѣтѣ Эдуардса	По той-же смѣтѣ, исправленной Обл. стн. Правленіемъ
1. Земляныя работы по рытью фундамента	370 р. 32 к.	283 р. 92 к.
2. Бутовые работы по сооруженію фундамента.	3112 „ — „	3112 „ — „
3. Гранитныя работы по устройству пьедестала	13527 „ 62 „	12072 „ 74 „
4. Устройство ограды	1251 „ 28 „	1051 „ 28 „
5. Художественныя работы: отливка статуи, барельефа и надписи съ установкой	7800 „ — „	7800 „ — „
6. Доставка гранита и бронзовыхъ издѣлій въ станицу Таманскую	5884 „ 80 „	5036 „ 40 „
7. Устройство рештованій и приспособленій	1917 „ 40 „	1174 „ — „
8. Техническаго вознагражденія	1354 „ 96 „	1221 „ — „
Итого .	35229 р. 03 к.	31754 р. 33 к.

Даже поверхностное разсмотрѣніе этой смѣты лично меня приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ и выводамъ:

а) Смѣта Эдуардса больше смѣты Областного Правленія на 3474 руб. 71 коп. Но возможно, что, если строительный комитетъ нѣкоторыя простыя работы, какъ, на примѣръ земляныя и бутовые сдѣлаеть хозяйственнымъ способомъ изъ подручнаго вполнѣ

доброкачественнаго матеріала и мѣстными рабочими, которымъ вѣроятно будетъ пользоваться и будущій строитель, то разница эта получится еще большей.

б) Станица Таманская лежитъ вблизи города Керчи, а въ послѣднемъ, какъ извѣстно, имѣется очень много хорошихъ каменотесовъ, дѣлающихъ весьма изящные памятники. Поэтому возможно, что строительный комитетъ сооруженіе пьедестала сдать этимъ, въ нѣкоторомъ родѣ, мѣстнымъ каменотесамъ, а это, конечно должно имѣть вліяніе на удешевленіе работы.

в) Сооруженіе ограды также вполне возможно мѣстными средствами, поручивъ, на примѣръ, сдѣлать ограду Екатеринодарской военно-ремесленной школѣ, причемъ въ распоряженіе комитета можно было бы передать имѣющихся нѣсколько старыхъ орудейныхъ стволовъ.

г) Купленное уже по Вашему распоряженію мѣсто подъ памятникъ, какъ Вы сами изволили видѣть, требуетъ само по себѣ нѣкотораго оборудованія и приведенія въ такой видъ и порядокъ, который бы вполне соответствовалъ и приличествовалъ созидаемому на немъ памятнику. На это по смѣтѣ особыхъ средствъ не дано; слѣдовательно, ихъ надо изыскать или сэкономить на другихъ работахъ.

д) Остаются художественныя работы, какъ-то: отливка статуи, барельефовъ, надписей и установка всего этого. Но это такія работы, которыя цѣликомъ должны быть сданы хотя-бы тому-же Эдуардсу.

е) Г-нъ Эдуардсъ или другой подрядчикъ, принявъ на себя сооруженіе этого памятника, едва-ли самъ лично будетъ руководить работами и наблюдать за ними на мѣстѣ, по всей вѣроятности (судя по примѣру сооруженія памятника въ гор. Екатери-

нодарѣ), наблюдение это будетъ поручено какому-либо мѣстному инженеру или технику, что съ успѣхомъ можетъ сдѣлать и строительный комитетъ, пригласивъ для этой надобности одного изъ мѣстныхъ инженеровъ, и было бы еще лучше, если бы Ваше Превосходительство сами изволили назначить одного изъ извѣстныхъ Вамъ по опытности инженеровъ въ составъ строительнаго комитета“.

13-го того-же октября Наказный Атаманъ отзывомъ за № 4571 вновь проситъ Начальника Штаба Кавказскаго военнаго округа исходатайствовать разрѣшеніе приступить къ постройкѣ памятника, сообщая при этомъ, что необходимыя для этого средства уже имѣются на лицо и что сооруженіе памятника поручено особо избранному строительному комитету подъ предсѣдательствомъ Начальника Войскового Штаба Генераль-Маіора Кіашко.

Того-же 13 октября былъ изданъ по войску слѣдующій приказъ подъ № 300.

Для детальной предварительной разработки дѣла по сооруженію въ стан. Таманской памятника первымъ Запорожцамъ, высадившимся у этой станицы 25 августа 1792 г. при переселеніи на Всемилостивѣйше дарованную землю, въ память 100-лѣтняго юбилея этого знаменательнаго для войска событія, учреждаю особый строительный комитетъ по сооруженію означеннаго памятника,—подъ предсѣдательствомъ Начальника Войскового Штаба, Генераль-Маіора Кіашко, и членовъ: Пристава станицы Таманской, Сотника Толстопята, Смотрителя 1-го участка рыболовныхъ водъ, Коллежскаго Ассесора Демяника, прикомандированнаго къ Областному Правленію, инженера Мальгерба, и Старшаго Адъютанта Войскового Штаба, Есаула Гаденко. На послѣдняго возлагаю обязанности секретаря означеннаго комитета.

Во исполненіе изложеннаго предписываю:

1) Передать въ вѣдѣніе означеннаго комитета всѣ имѣющіяся въ Войсковомъ Штабѣ дѣла, касающіяся сооруженія этого памятника.

2) Передать въ вѣдѣніе того же комитета собранныя для этой надобности суммы, находящіяся на учетѣ Войскового Штаба.

3) Дальнѣйшій учетъ и расходъ суммъ возложить на комитетъ, а суммы по прежнему хранить при Войсковомъ Штабѣ.

4) Необходимый расходъ денегъ производить по постановленіямъ комитета, кои представлять на мое утвержденіе.

5) Комитету, принявъ въ свое вѣдѣніе дѣла и суммы, теперь же приступить къ предварительной разработкѣ будущей строительной программы, съ тѣмъ, чтобы при сооруженіи памятника былъ принятъ къ непремѣнному исполненію журналъ Инженернаго комитета Главнаго Инженернаго Управленія, отъ 12 мая с. г. № 376, и чтобы къ самому сооруженію могло быть приступлено безъ задержки, вслѣдъ за полученіемъ отъ Главнаго Штаба разрѣшенія приступить къ работамъ по постройкѣ памятника, закончить который желательно въ теченіе строительнаго періода будущаго гсда.

Такъ, въ октябрѣ прошлаго года, съ помощью Божіей, наконецъ, наступило начало конца, увѣнчавшагося полнымъ успѣхомъ, спустя лишь всего годъ, созданиемъ скромнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дивнаго по исполненію памятника.

Почти одновременно, по порученію Наказнаго Атамана, на собранныя для памятника деньги, было куплено за 1600 р. плановое мѣсто, лежащее впереди избраннаго для постановки памятника сквера, если смотрѣть по направленію къ морю.

Настоятельная необходимость покупки этого мѣста вытекала изъ того, что если на немъ будутъ воздвигнуты большія капитальныя постройки, тогда теряется весь видъ памятника съ моря, а между тѣмъ

море и памятникъ прибытія первой партіи запорожцевъ въ Тамань такъ близко и неразрывно связаны другъ съ другомъ, что разъединить ихъ хотя-бы небольшою преградой являлось дѣломъ положительно недопустимымъ.

По счастливой случайности, наслѣдникамъ владѣльца плана необходимо было спѣшно его продать. Эта спѣшность весьма благопріятно повліяла на пониженіе стоимости плана, въ дѣйствительности весьма цѣннаго въ торговомъ отношеніи.

Но наряду-же съ этимъ, эта спѣшность лишила возможности совершить нѣкоторыя формальности для покупки плана во владѣніе войска.

Въ виду этого планъ купленъ на имя общества ст. Таманской, а послѣднее постановило приговоръ, отъ 3-го октября 1910 года за № 138, въ коемъ говорится, что „означенное плановое мѣсто, купленное по уступкѣ на наше имя, а деньги, по распоряженію Наказнаго Атамана, уплачены изъ войсковыхъ источниковъ. Принимая во вниманіе, что на этомъ мѣстѣ предполагается въ близкомъ будущемъ постановка памятника предкамъ нашимъ запорожцамъ, высадившимся на родномъ намъ берегу, и что въ приобрѣтеніи этого мѣста намъ оказана большая матеріальная помощь, единогласно постановили: благодарить нашего Кошевого Батька, Генераль-Лейтенанта Михаила Павловича Бабыча, за оказанную матеріальную помощь и настоящимъ (приговоромъ) переуступаемъ въ собственность Кубанскому казачьему войску приобрѣтенное нами мѣсто подъ постройку памятника первымъ родоначальникамъ нашего войска, *въ полное его распоряженіе и на вѣчныя времена и къ мѣсту этому ни мы, ни потомки наши касаться не должны*“.

Приговоръ этотъ, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ станичнаго атамана, урядника Григорія С и р о м а х и, подписанъ 36 членами сбора, что составляетъ опредѣленное по закону болѣе двухъ третей общаго числа членовъ (41) сбора.

Какъ увѣдомилъ Окружной Штабъ (отзывъ № 29124), ходатайство Наказнаго Атамана о разрѣшеніи приступить къ постройкѣ памятника въ округѣ не задержалось и 27 того-же октября при № 28347 представлено въ Главный Штабъ для дальнѣйшаго направленія.

Въ Главномъ Штабѣ, куда Наказнымъ Атаманомъ, помимо официальнаго представленія, были написаны письма, дѣлу былъ данъ быстрый ходъ, вслѣдствіе выказаннаго ему полнаго сочувствія. Но тутъ произошла невольная задержка.

Возбуждая ходатайство, войскомъ, въ виду того, что подлинныя проектъ и смѣта уже разсматривались главнымъ Инженернымъ Комитетомъ, были посланы копіи ихъ, оказалось-же что надо было представить подлинники.

Послѣдніе въ декабрѣ 1910 г. (отзывъ Главнаго Штаба 5 ноября 1910 г. № 21064) были затребованы изъ войска, но выполнить это требованіе не представлялось возможнымъ, такъ какъ назначенный въ составъ комитета Инженеръ И. К. Мальгеръ не задолго до этого отправился въ Петербургъ на съѣздъ зодчихъ. Пользуясь этимъ случаемъ, строительный комитетъ поручилъ Мальгербу переговорить съ академикомъ Фонъ-Гогеномъ и просить его компетентнаго совѣта и помощи въ этомъ дѣлѣ, и если возможно, то и указать фирмы, которыя могли бы исполнить памятникъ за возможно дешевую цѣну.

Принявъ на себя это порученіе, Инженеръ Мальгербъ взялъ съ собой подлинныя смѣту и проектъ, которыя такимъ образомъ могли быть представлены въ Главный Штабъ лишь 9 февраля 1911 года (рапортъ № 675).

5-го марта Начальникъ казачьяго отдѣла Главнаго Штаба, Генераль-Маіоръ Павелъ Осиповичъ Агаповъ, весьма сочувствовавшій этому дѣлу, прислалъ Наказному Атаману телеграмму, въ которой сообщилъ, что того-же 5-го марта проектъ памятника Высочайше одобренъ и разрѣшено приступить къ постройкѣ съ тѣмъ, чтобы сооруженіе памятника было произведено согласно чертежей, а слѣдовательно и указаній, утвержденныхъ Главнымъ Инженернымъ Управленіемъ по журналу отъ 12 мая 1909 г. за № 376.

15-го марта былъ полученъ отзывъ Главнаго Штаба за № 1776, въ коемъ офиціально сообщалось о томъ-же.

Такимъ образомъ, наконецъ, съ помощью Божіей и добрыхъ людей преодолѣно и послѣднее препятствіе и теперь являлась уже полная возможность строительному комитету проявить свою энергію по окончательному осуществленію дѣла.

Что и какъ дѣлалъ строительный комитетъ, мы увидимъ изъ слѣдующаго изложенія, основаннаго на журналахъ его засѣданій.

Первое, такъ называемое организаціонное, засѣданіе происходило въ станицѣ Таманской 22, 23 и 24 ноября 1910 г.

Это засѣданіе состоялось при участіи лицъ, назначенныхъ въ комитетъ приведеннымъ выше приказомъ войску № 300, и кромѣ того были приглашены въ составъ его изъ мѣстныхъ обывателей: священникъ О. Сергій Колышкинъ, землемѣръ, отстав-

ной Надворный Совѣтникъ Иванъ Петровичъ Височинъ, смотритель Таманскаго 2-хъ класснаго училища, Коллежскій Ассессоръ Лукиланъ Андреевичъ Руденко, казакъ изъ потомственныхъ дворянъ Иванъ Еремѣевичъ Бѣлый и выборные отъ станичнаго Таманскаго общества урядники Ерофей Ивановичъ Булахъ и Михаилъ Григорьевичъ Самойленко.

Засѣданію этому придавалось особое значеніе, поэтому въ цѣляхъ его наибольшей продуктивности еще заблаговременно каждому изъ упомянутыхъ лицъ для ознакомленія и соображеній была послана программа этого засѣданія слѣдующаго содержания:

1) Ознакомленіе комитета съ исторіей возникновенія вопроса о сооруженіи памятника, послѣдующее теченіе этого дѣла и данное его положеніе.

2) Ознакомленіе комитета съ проектомъ и смѣтой сооруженія памятника.

3) Желательно-ли еще и кого именно пригласить въ составъ комитета изъ мѣстныхъ жителей.

4) Установить окончательно, въ честь кого долженъ сооружаться памятникъ, въ честь-ли Кошевого Атамана Антона Головатого или первыхъ запорожцевъ, высадившихся у Тамани.

5) Куда долженъ быть обращенъ памятникъ лицевой стороной,—къ морю или церкви.

6) Окончательный выборъ мѣста (точки) постановки памятника.

7) Окончательно установить надписи на памятникѣ.

8) Выборъ наиболѣе выгоднаго или лучшаго способа сооруженія памятника (подрядной, раздробительно-подрядной, хозяйственный или смѣшанный подрядной и хозяйственный).

9) Рассмотрѣніе предложенія Инженера Мальгерба, изложеннаго въ его письмѣ, полученномъ 10 ноября 1910 года.

10) Разработка программы строительныхъ работъ и обязательствъ между членами комитета по наблюдению за работами.

11) Приведеніе въ надлежащій видъ мѣста, купленнаго для сооруженія памятника.

12) Какая должна быть ограда памятника и всего мѣста.

13) Рассмотрѣніе могущихъ поступить предложеній мѣстныхъ подрядчиковъ по поставкѣ строительныхъ матеріаловъ и по исполненію работъ.

14) Другіе вопросы, могущіе возникнуть во время засѣданія.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель комитета, Генераль-Маіоръ Кіашко, обратился къ присутствующимъ съ пространной рѣчью, указавъ, что по распоряженію нашего Наказнаго Атамана, Генераль-Лейтенанта Михаила Павловича Бабыча, изложенному въ приказѣ войску сего года № 300, образованъ комитетъ, состоящій изъ нынѣ присутствующихъ лицъ, на который и возложено привести къ давно желанному концу наше признательное казачье дѣло, задуманное здѣсь-же, въ Тамани, еще въ 1894 году, т. е. 16 лѣтъ тому назадъ.

Дѣло это заключается въ сооруженіи памятника въ станицѣ Таманской, гдѣ 25 августа 1792 г., подъ начальствомъ Полковника Саввы Бѣлаго, высадились первая партія запорожцевъ при переселеніи ихъ въ прикубанскія земли, Всемилостивѣйше дарованныя Царицей Екатериной II.

Изложивъ далѣе подробно исторію этого дѣла и послѣдовательное его теченіе вплоть до дня засѣда-

нія, а также и указавъ на ту существенную помощь и поддержку, какую оказаль этому дѣлу Наказный Атаманъ, предсѣдатель закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Такимъ образомъ, мы, лишь благодаря горячему участию нашего родного Наказнаго Атамана, приступаемъ нынѣ къ началу конца давно задуманнаго дѣла. Поэтому, прежде всего выразимъ Его Превосходительству нашу глубочайшую признательность, а затѣмъ, памятуя, что мы потомки славныхъ запорожцевъ, истинныхъ ревнителей вѣры православной, не приступавшихъ ни къ какому дѣлу безъ обращенія съ молитвой къ Богу, послѣдуемъ ихъ примѣру и на начинаемое нами дѣло испросимъ Божье благословеніе“.

Всѣ присутствующіе встали. Членъ Комитета, О. Сергій Колышкинъ, прочель молитву и благословилъ съ Богомъ начать и закончить доброе дѣло.

Далѣе засѣданіе велось по намѣченной программѣ. Всѣ вопросы весьма обстоятельно разсмотрѣны и обслѣдованы. Принятія рѣшенія настолько были обдуманны и существенны, что онѣ затѣмъ не измѣнялись и послужили строительной программой до конца работъ.

Какъ на особо важныя рѣшенія, можно указать на слѣдующія.

1) Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній комитетъ пришелъ къ окончательному рѣшенію, что памятникъ Таманскій, какъ то предлагали покойные Генераль-Маіоръ И. И. Мазанъ и художникъ Косолапъ, долженъ изображать собой не Сидора Бѣлаго или Антона Головатаго, а рядового запорожца сичевика. „Но дабы увѣковѣчить память названнаго Атамана (Антоня Головатаго), въ воздаяніе его

заслугъ на благо насъ, потомковъ запорожцевъ, затѣмъ и увѣковѣчить память Полковника Саввы Бѣлаго, подъ командой котораго прибыла первая партія переселенцевъ и, наконецъ, воздать должное обществу станицы Таманской, подавшему мысль соорудить этотъ памятникъ и первому отчислившему на эту надобность деньги, постановлено: на лицевой сторонѣ памятника, около барельефа помѣстить слѣдующую надпись:

„Первымъ Запорожцамъ, высадившимся у Тамани 25 августа 1792 года подъ командой Полковника Саввы Бѣлаго“.

„Сооруженъ въ 1911 году благодарными ихъ потомками, казаками Кубанскаго казачьяго войска, по мысли Таманскаго станичнаго общества, въ память столѣтїя со времени высадки“.

На противоположной сторонѣ пьедестала помѣстить по возможности всю пѣсню Головатаго: „Ой, годі ж нам журится...“, а затѣмъ ниже должна быть сдѣлана надпись: „Антонъ Головатый, Войсковой Судья войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ“.

2. Сооруженіе фундамента, приведеніе въ надлежащій видъ сквера, сооруженіе ограды рѣшено произвести хозяйственнымъ способомъ.

3. Пьедесталь исполнить хозяйственнымъ или подряднымъ способомъ, рѣшивъ это окончательно, когда будутъ разработаны Инженеромъ Мальгеромъ кондиціи, имѣющія быть предложенными нѣсколькимъ извѣстнымъ фирмамъ.

4. Художественныя работы, въ силу техническихъ условій, могутъ быть исполнены только подряднымъ способомъ, но кому отдать эти работы, вопросъ оставить открытымъ, и просить Инженера Маль-

герба снести по этому поводу съ известными Московскими и Петербургскими литейными заводами.

Затѣмъ, уже по полученіи всѣхъ свѣдѣній, рѣшить вопросъ, кому сдать художественныя работы, имѣя въ виду и предложеніе г-на Эдуардса.

5. Для непосредственнаго веденія хозяйственныхъ работъ и наблюденія на мѣстѣ за подрядными работами образованъ Таманскій отдѣлъ Комитета подъ предсѣдательствомъ Подъесаула Владиміра Илларіоновича Толстопята и при участіи всѣхъ членовъ комитета, живущихъ въ Тамани.

Заканчивая засѣданіе это, Предсѣдатель комитета сказалъ, что „искреннее желаніе Наказнаго Атамана, такъ близко принимающаго къ сердцу дѣло сооруженія Таманскаго памятника, возможно скорѣе его выстроить и открыть, если не 25 августа 1911 года, въ день высадки Запорожцевъ, то во всякомъ случаѣ 5 октября того-же года,—въ день тезоименитства Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и войскового праздника. Поэтому Наказный Атаманъ поручилъ ему выразить полную увѣренность въ томъ, что избранный имъ комитетъ съ своей стороны приложитъ всѣ мѣры къ скорѣйшему осуществленію этого желанія.“

Всѣ члены комитета, конечно, съ своей стороны высказали полную готовность всѣми мѣрами споспѣшествовать этому дѣлу.

Одинъ только, а именно смотритель училища Л. А. Руденко, не очень былъ радъ этому. Крѣпко ему хотѣлось, чтобы открытіе памятника состоялось въ 1912 году, въ каковомъ году состоится столѣтіе существованія ввѣреннаго ему училища, одного изъ первыхъ въ области.

Такимъ образомъ ему хотѣлось соединить празднованіе двухъ знаменательныхъ событій въ жизни станицы Таманской.

Какъ не сочувствовали члены комитета этому доброму желанію уважаемаго всѣми Лукиллиана Андреевича, но тѣмъ не менѣе остались при своемъ рѣшеніи строить памятникъ такъ спѣшно, какъ только это допустимо, и открыть его, если возможно, въ 1911 году.

Въ утѣшеніе же Лукиллиану Андреевичу, съ своей стороны, мы можемъ сказать, что 100-лѣтній юбилей его школы возможно, что уже и прошелъ,

Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи неопровержимыя документальныя доказательства тому, что въ станицѣ Таманской при Свято-Покровской церкви заведена Таманскимъ обществомъ школа еще съ 1809 года. По этимъ даннымъ въ этой школѣ училось три ученика съ 4-го мая 1809 года, и въ то время учителемъ школы былъ стихарный дьячекъ Федоръ Бѣлявскій.

Подводя итогъ этого перваго засѣданія комитета, необходимо еще отмѣтить одинъ весьма отраднѣйшій фактъ сочувствія мысли сооруженія этого памятника.

При осмотрѣ мѣста, избраннаго подѣ постановку памятника, оказалось, что смежный со скверомъ планъ члена комитета Ивана Петровича Высочина входитъ угломъ въ скверъ и тѣмъ нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія общаго плана сквера. Особенно это замѣтно было при взглядѣ на скверъ со стороны моря. Какъ только на это обратилъ вниманіе кто-то изъ членовъ комитета, И. П. Высочинъ нашель что это именно такъ и тутъ-же выразилъ свою полную готовность уступить совершенно безвозмездно часть плана, дабы тѣмъ устранить этотъ недостатокъ.

Выразимъ-же, родные Кубанцы, глубокоуважаемому Ивану Петровичу нашу сердечную признательность за его даръ, а главное за доброе отношеніе къ нашему общему дѣлу.

Какъ упоминалось выше, комитетъ поручилъ Инженеру Мальгербу войти въ сношеніе съ извѣстными литейными фирмами Петербурга и Москвы по поводу исполненія художественныхъ работъ для памятника.

Этимъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду выяснить дѣйствительную стоимость этихъ работъ, чтобы тѣмъ самымъ провѣрить смѣту г-на Эдуардса, а затѣмъ это даже требовалось журналомъ Главнаго Инженернаго Комитета № 376, по коему работы могли быть сданы не иначе, какъ по конкуренціи между нѣсколькими лицами.

Особый счастливый случай помогъ этому дѣлу. Въ январѣ 1911 года разрѣшенъ былъ всероссійскій съѣздъ архитекторовъ и зодчихъ, на который задумалъ для своихъ личныхъ цѣлей ѣхать Инженеръ Мальгеръ, взявшійся въ эту поѣздку лично добыть въ Петербургѣ необходимыя свѣдѣнія.

На съѣздѣ Мальгеръ познакомился съ художникомъ Прусаковымъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, горячо рекомендовалъ для этихъ работъ академика скульпуры Аманда Ивановича Адамсона, зарекомендовавшаго себя въ послѣднее время высокохудожественными скульптурными работами, а вмѣстѣ съ тѣмъ составившаго себѣ извѣстность и какъ аккуратный исполнитель принятыхъ на себя работъ. Имѣя въ наличности такую безукоризненную во всѣхъ отношеніяхъ рекомендацію, И. К. Мальгеръ обратился затѣмъ уже непосредственно къ г. Адамсону, съ которымъ имѣлъ около десяти свиданій, при-

чемъ вмѣстѣ они неоднократно посѣтили мастерскія бронзо-литейнаго завода К. Ф. Верфель и 1-го Восточно-Финляндскаго гранитнаго общества, гдѣ и выяснилась полная возможность исполненія всѣхъ гранитныхъ и художественныхъ работъ къ 1-му октября, если заказъ на памятникъ будетъ данъ не позже февраля мѣсяца.

Попутно съ этимъ И. К. Мальгеръ имѣлъ свиданіе и съ Инспекторомъ по строительной части при кабинетѣ Его Величества, Академикомъ архитектуры А. И. Фонъ-Гогенъ, разсматривавшимъ и перерабатывавшимъ проектъ, составленный Эдуардсомъ.

Фонъ-Гогенъ съ своей стороны также горячо рекомендовалъ г-на Адамсона, какъ одного изъ самыхъ лучшихъ и талантливыхъ художниковъ скульпторовъ и настоятельно рекомендовалъ комитету отдать сооруженіе памятника ему, будучи увѣренъ, что въ результатѣ комитетъ получитъ „достойное его (Адамсона) имени произведеніе“.

Такимъ образомъ и со стороны такого компетентнаго лица, какимъ является А. И. Фонъ-Гогенъ, рекомендація А. И. Адамсона также оказалась весьма солидной, причемъ А. И. Фонъ-Гогенъ въ письмѣ своемъ сообщилъ, что „принимая во вниманіе, что работа эта будетъ въ рукахъ г-на Адамсона, вполне соглашаюсь на тѣ измѣненія пьедестала (въ видѣ монолита,) какія онъ (Адамсонъ) признаетъ удобнымъ.“

Заручившись такой рекомендаціей, Иванъ Клементьевичъ Мальгеръ, переговоривъ съ Адамсономъ лично о стоимости гранитныхъ и бронзовыхъ работъ, предложилъ ему прислать объ этомъ комитету письменное заявленіе, что Адамсонъ и обѣщаль исполнить.

КОМИТЕТЪ ПО СООРУЖЕНІЮ ПАМЯТНИКА

Членъ и Секретарь К-та
Есауль
К. П. ГАДЕНКО.

Предсѣдатель Комитета
Генераль-Мажоръ
А. И. КІЯШКО.

Инженеръ
И. К. МАЛЬГЕРБЪ.

Выслушавъ этотъ личный докладъ Инженера И. К. Мальгерба, по возвращеніи его со сѣзда, Комитетъ, въ засѣданіи своемъ 10 февраля 1911 года (журналь № 3), призналъ съ принципальной стороны предложеніе Г-на Адамсона весьма интереснымъ для Комитета и приемлемымъ, особенно въ томъ отношеніи, что съ одной стороны, качество работъ гарантируется его извѣстностью и солидными рекомендаціями, а съ другой,—при участіи Адамсона Комитетъ можетъ осуществить сооруженіе памятника въ этомъ же году.

На ряду-же съ этимъ Комитету было извѣстно, по одному изъ писемъ, что Эдуардъ соглашался соорудить памятникъ не ранѣе, какъ въ 11 мѣсяцевъ со дня полученія заказа, что Комитетъ, конечно, не устраивало.

Вслѣдъ за симъ, 14-го того-же февраля Комитетомъ получено письменное предложеніе А. И. Адамсона, въ которомъ онъ предлагаетъ за 23500 рублей поставить въ законченномъ видѣ памятникъ на приготовленномъ Комитетомъ фундаментѣ къ 1-му октября, включая въ эту сумму большую и малую модель, техническій надзоръ, доставку матеріаловъ на мѣсто и всѣ необходимыя приспособленія.

Сопоставивъ эту цѣну со смѣтной, оказывается, что по послѣдней стоимостъ работъ исчислена: гранитныхъ—12072 рубля 74 к., художественныхъ 7800 рублей, доставка матеріала 5038 рублей 40 коп., рѣштованіе и приспособленія 1174 рубля, итого 26085 руб. 14 коп.

Такимъ образомъ, при сдачѣ памятника Адамсону за 23500 рублей получается еще экономія въ 2585 руб. 14 к.; слѣдовательно, предложеніе Адамсона дѣлается не только цѣннымъ по изложеннымъ

выше мотивамъ, но и выгоднымъ въ матеріальномъ отношеніи.

Учтя все это, Комитетъ не могъ не придти къ рѣшенію сдать сооруженіе памятника Адамсону, на что и испросилъ согласіе Наказнаго Атамана.

Но тутъ явилось одно большое препятствіе. Г-нъ Адамсонъ обязался выполнить работы въ срокъ лишь при условіи полученія заказа въ февралѣ, а такового Комитетъ не могъ дать, такъ какъ къ этому времени еще не было получено разрѣшеніе на постройку памятника.

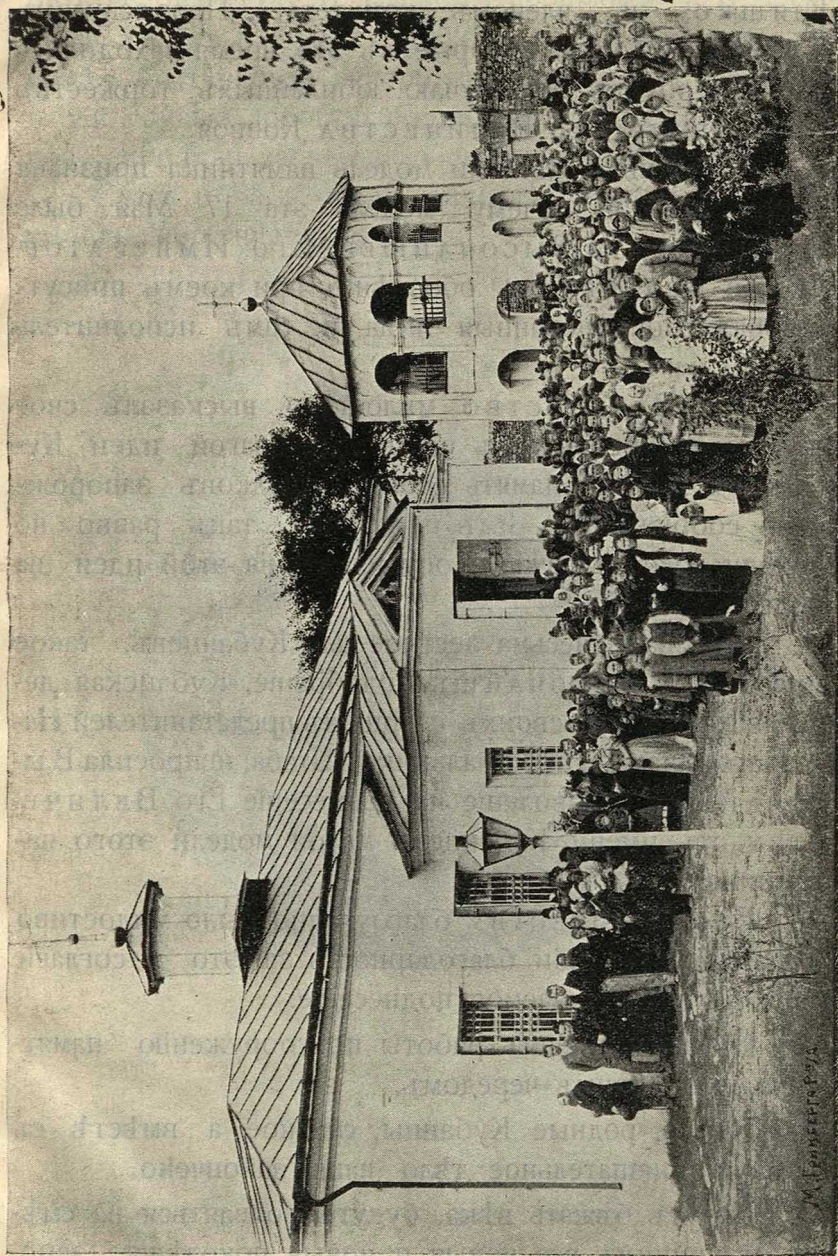
Поэтому комитетъ телеграммой 16 февраля сообщилъ Адамсону, что онъ согласенъ на всѣ его условія, но заказъ можетъ быть данъ, лишь когда получится разрѣшеніе.

Увѣдомленіе о послѣднемъ, какъ упоминалось выше, было получено лишь 7 марта. Тотчасъ-же былъ запрошенъ Адамсонъ телеграммой, согласенъ-ли онъ принять заказъ на предложенныхъ имъ условіяхъ съ обязательствомъ сдать памятникъ 1-го октября. 10 марта получена отвѣтная телеграмма съ согласіемъ, а 11 по телеграфу были сданы работы Адамсону и высланъ ему обусловленный задатокъ.

12 того же марта тотъ же заказъ былъ подтвержденъ письменно, съ подробнымъ изложеніемъ условій, надписей на памятникъ и т. п.

По условію съ Адамсономъ предварительно отливки статуи, имъ должна быть сдѣлана малая 12 вершковая модель для ознакомленія Комитета съ позой фигуры и общей формой гранитнаго пьедестала, дабы при осмотрѣ Комитетомъ большой модели не потребовались существенныя измѣненія.

Осмотръ модели былъ произведенъ въ Петербургѣ 11 мая Наказнымъ Атаманомъ, Предсѣдателемъ

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ВЪ ТАМАНИ
(до реставраціи).

М. Г. Брунбергъ 1904

комитета, Начальникомъ Штаба, Генераль-Маіоромъ Кіяшко, и членомъ комитета, Подъесауломъ Толстопятомъ, которые въ это время находились въ Петербургѣ по случаю юбилейныхъ торжествъ Собственного Его Величества Конвоя.

Названными лицами модель памятника признана весьма удачной, почему модель эта 17 Мая была представлена на Высочайшее Его Императорскаго Величества обозрѣніе, при коемъ присутствовали поименованныя лица и самъ исполнитель Адамсонъ.

Его Величество милостиво высказалъ свое полное одобреніе, какъ по поводу благой идеи Кубанцевъ почтить память своихъ предковъ запорожцевъ сооруженіемъ имъ памятника, такъ равно по поводу весьма удачнаго осуществленія этой идеи на модели.

Услышавъ весьма лестное для Кубанцевъ, такое милостивое Высочайшее одобреніе, Кубанская депутація въ лицѣ своихъ старшихъ представителей Наказнаго Атамана и Начальника Штаба, испросила Высочайшее соизволеніе на поднесеніе Его Величеству отъ имени Кубанцевъ малой модели этого памятника.

Его Величеству благоугодно было милостиво выразить депутаціи благодарность за это и согласіе свое на испрашиваемое поднесеніе.

Въ дальнѣйшемъ работы по сооруженію памятника шли своимъ чередомъ.

Итакъ, родные Кубанцы, славное а вмѣстѣ съ тѣмъ и признательное дѣло наше закончено.

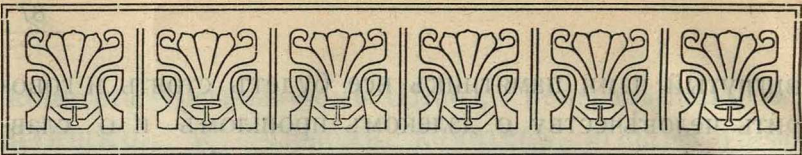
Будутъ бѣжать вѣка, будутъ появляться на смѣну отжившимъ все новыя и новыя поколѣнія, заносся на страницы исторіи свои новыя дѣянія, а возд-

вигнутый нами памятникъ все будетъ стоять и говорить челоѵчеству о далекомъ прошломъ и о славныхъ дѣлахъ нашихъ предковъ чудо-богатырей—сиромъ—братчиковъ запорожцевъ, которые, заслоня своей грудью дорогую родину отъ азіатскихъ варваровъ, пролили за нее такъ много горячей крови.

Слава о Васъ, наши дивные батъки и дѣды, не умереть, не сгинеть во вѣкъ!

Рис. 1.

— V. —

Заканчивая настоящій очеркъ, мы считаемъ необходимымъ вкратцѣ упомянуть о возобновленіи доставшагося намъ памятника нашихъ предковъ запорожцевъ и находящагося въ той же станицѣ Таманской.

Какъ упоминалось въ приговорѣ общества этой станицы, въ 1794 году въ Тамани была освящена первая въ Черноморіи церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, подъ защиту и покровительство которой запорожцы всегда прибѣгали.

Черноморцы высадились у Тамани 25 августа 1792 года, а спустя уже два года, какъ мы видимъ, соорудили небольшую каменную церковь, стоящую и понынѣ.

Церковь эта, изъ всего видно, пользовалась большимъ попеченіемъ переселенцевъ, сугубо заботившихся о ея благолѣпії. Въ ней понынѣ можно видѣть многіе священные предметы,*), принесенные въ даръ Головатымъ и его современниками.

Такимъ образомъ церковь эта въ своемъ родѣ является живымъ свидѣтелемъ о далекомъ прошломъ, о первыхъ годахъ жизни нашихъ дѣдовъ и отцовъ. Въ ней они молились и изливали свои радости и скорби передъ Подателемъ всѣхъ земныхъ благъ.

Все это побуждаетъ считать церковь эту нашей священной реликвіей, и, какъ таковую, явилась настоятельная необходимость сохранить ее на многіе дальніе вѣка въ воспоминаніе лицъ, ее создавшихъ.

*) См. снимки на стр. 87, 92, 94 и 96 снимки и описаніе ихъ въ приложеніи.

ТАМАНСКИЙ ОТДЕЛЪ СТРОИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА ПО СООРУЖЕНІЮ ПАМЯТНИКА.

Ур. М. САМОЙЛЕНКО.

В. Я. ДЕМЯНИКЪ.

И. Е. БЪЛЫЙ.

Ур. Е. И. БУЛАХЪ (ст. атаманъ).

О. Сергій КОЛЫШКИНЪ.

И. П. ВЫСОЧИНЪ.

В. И. ТОЛСТОПАЯТЪ.

Л. А. РУДЕНКО.

М. Гринбергъ Р/УД

Какой имѣла первоначально видъ эта церковь въ точности неизвѣстно, но по рассказамъ стариковъ она была совершенно иной, чѣмъ теперь.

Очевидно, подъ влияніемъ времени церковь ветшала, а это требовало ремонта и передѣлокъ, при послѣднихъ же по недостатку средствъ, а вѣрнѣе по равнодушію къ старинѣ, измѣнился и наружный видъ церкви до неузнаваемости.

Въ данное время она мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго дома, съ утвержденной по срединѣ крыши небольшой главкой, съ пошатнувшимся крестомъ.*) Между тѣмъ, по рассказамъ стариковъ, можно заключить, что она Черноморцами была сооружена въ византійскомъ стилѣ, и имѣла вокругъ корридоръ (по малороссійски „піддашки“), утвержденный на колоннахъ. Явные слѣды послѣднихъ и даже нѣсколько обломковъ мраморныхъ колоннъ лежатъ и сейчасъ около церкви.

Желая сохранить эту реликвию на будущія времена по возможности въ первоначальномъ ея видѣ и тѣмъ еще больше запечатлѣть у грядущихъ поколѣній благодарственную память о нашихъ предкахъ, строительный Комитетъ Таманскаго памятника въ одномъ изъ своихъ засѣданій, по просьбѣ мѣстныхъ любителей казачьей старины, обсудилъ этотъ вопросъ и пришелъ къ рѣшенію о необходимости реставрировать эту церковь.

Рѣшеніе это, конечно, хорошее само по себѣ, но для осуществленія его требовались деньги, по исчисленію инженера не менѣе 6—7 тысячъ рублей.

Общество станицы Таманской съ своей стороны, по скудости средствъ, могло дать на это не болѣе одной тысячи рублей, другая тысяча была уже раз-

*) См. снимокъ церкви до реставраціи на стр. 85.

рѣшена епархіальнымъ начальствомъ на ремонтъ этой церкви.

Такимъ образомъ на это дѣло оказалось въ наличности всего только двѣ тысячи рублей, и для изысканія недостающихъ средствъ не имѣлось ничего въ виду.

Тѣмъ не менѣ Комитетъ, памятуя, что это святое дѣло, рѣшилъ, по иниціативѣ Предсѣдателя своего А. И. Кіашко, возбудить о немъ ходатайство передъ Наказнымъ Атаманомъ и просить его нравственной и матеріальной поддержки.

Наказный Атаманъ весьма благожелательно отнесся къ этому дѣлу, исходатайствовалъ на реставрацію церкви разрѣшеніе у епархіальнаго начальства и затѣмъ изыскалъ и далъ въ распоряженіе Комитета средства на осуществленіе ея.

Планъ реставраціи составленъ инженеромъ Мальгербомъ, подъ его же наблюденіемъ, въ іюлѣ начались работы съ большою спѣшностью, дабы закончить ихъ ко времени открытія памятника.

Такимъ образомъ, съ помощью Божіей и при добромъ содѣйствіи нашихъ родныхъ казаковъ Кошевого Атамана, Михаила Павловича Бабыча и его ближайшаго сотрудника Начальника Войскового Штаба, Андрея Ивановича Кіашко, и это дѣло благополучно закончено, въ воздаяніе доброй памяти нашихъ предковъ и въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

Оборотная сторона.

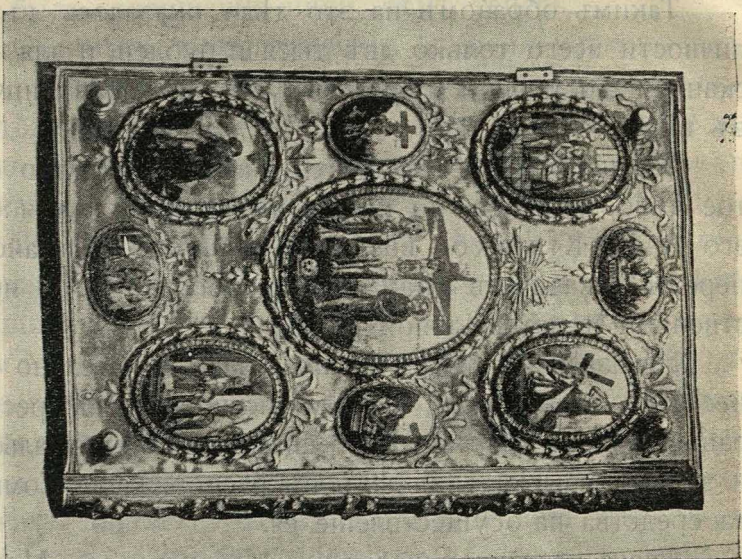

Рис. 2.

Лицевая сторона.

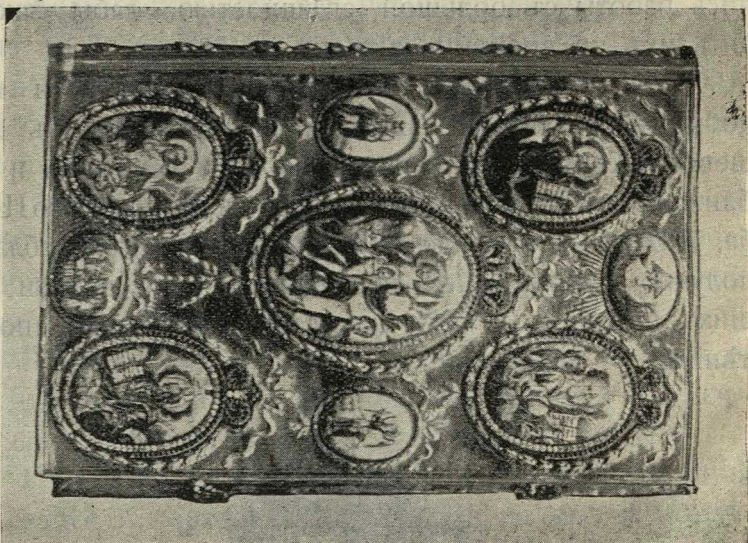

Рис. 3.

СПИСОКЪ

священныхъ сосудовъ и предметовъ древней Покровской церкви станицы Таманской, Кубанской области.

1. Ковчегъ серебряный (рис. 8), позолоченый, на четырехъ ножкахъ, вышиною 14 верш. о двухъ этажахъ, раздѣляемыхъ карнизами. Въ нижнемъ этажѣ серебряная гробница съ двумя внутри ея выдвигаемыми ящиками для храненія Св. Даровъ. Внизу вырѣзаны слова: „Мастеръ войска Черноморскаго, полковой Есаулъ Климентъ Чижевскій 1799 года мая 7 дня“. По церковной лѣтописи значится, что Ковчегъ сей сооруженъ 1799 года Полковникомъ Антономъ Головатымъ. Вѣсу 7¹/₂ фунтовъ. Цѣна ему 228 руб. 57 к.
2. Чаша серебряная, (рис. 7), позолоченая, съ круглымъ подножіемъ, безъ пробы. На подножіи вырѣзана надпись: „отъ казаковъ бывшаго запорожскаго войска Тараса Сугала и Андрея Рудя. Вѣсу 2 фунта 20 золотниковъ 92 р. 85 к.“. Къ сей чашѣ сохранились и всѣ принадлежности: дискось, звѣздца и лжица.
3. Чаша серебряная, (рис. 6), позолоченая, чеканной работы, съ подножіемъ. На подножіи кругомъ вырѣзана надпись: „сія чаша сдѣлана за упокой г. Подполковникомъ Саввой Бѣлымъ въ церковь Свято-Покровскую Таманскую. Вѣсу 1 фун. 8 золотн. Цѣна 28 руб. 57 коп.“. Къ сей чашѣ сохранились и всѣ принадлежности: дискось, звѣздца и лжица съ копиемъ.
4. Крестъ серебряный, (рис. 5), позолоченый, длины 9 вершковъ, греческой работы. На немъ съ одной стороны выбиты изображенія Св. лицъ: по срединѣ Іисусъ Христось съ четырьмя ангелами, на концахъ вверху—Богъ Отець, съ правой стороны Божія Матерь, съ лѣвой стороны Іоаннъ Богословъ, внизу всѣ страстныя орудія казни. На другой сторонѣ по срединѣ и краяхъ выбиты пять серебряныхъ круговъ на подобіе финифтей съ надписями, изъ коихъ на первомъ кругѣ слѣдующая: „Мощи святыхъ Іоанна Предтечи,

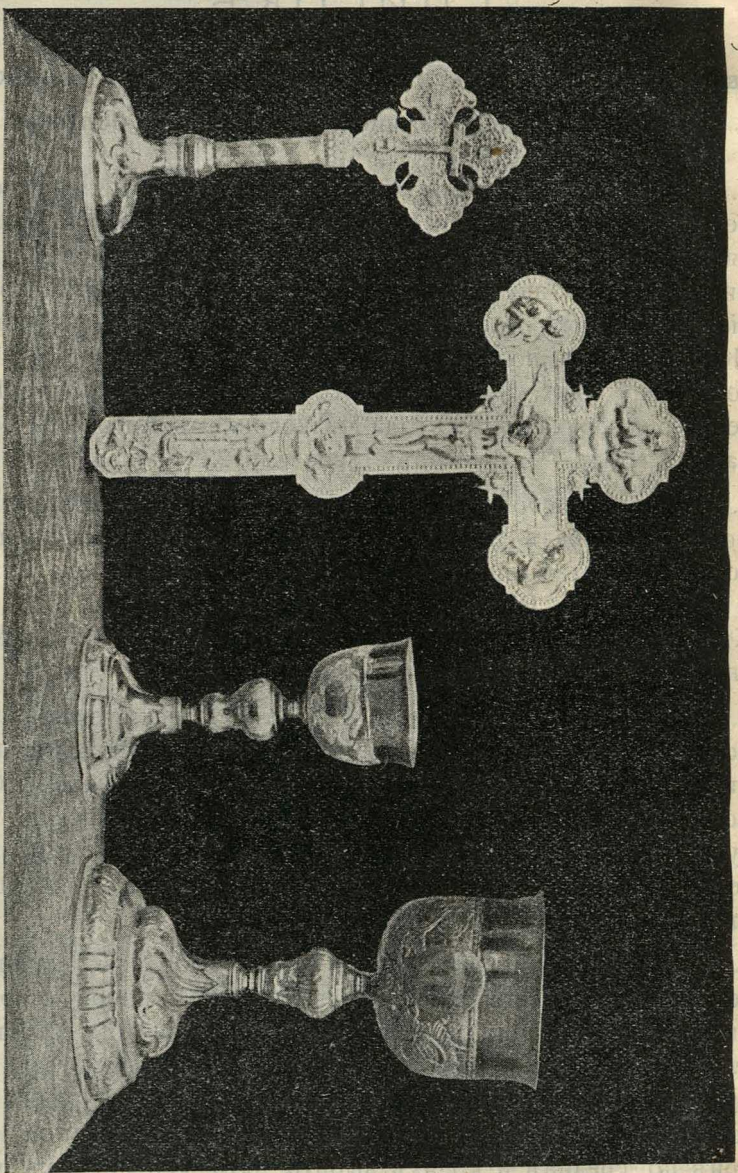

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Андрея Первозваннаго, Іакова брата Господня, Архид. Іакона, Стефана, Іоанна Златоустаго, Іоанна Милостиваго, Игнатія, Іоанна Моисея Новгородскихъ; на второмъ кругѣ: „Михаила Синадскаго, Игнатія Новаго, Симеона Сербскаго, Саввы Сторожевскаго“, на третьемъ: „Мученика Елиферія, Евстафія Плакиды, Священномученика Анфима, Климента папы Римскаго, Косьмы безсребренника, великомучениць Екатерины и Варвары, преподобномученика Θεодосія“; на четвертомъ: „Великомученика Георгія, Θεодора Стратилата, Θεоруга Тирона, Великомученика Артемія, Великомуч. Пантелеймона, Іакова Перскаго, великомуч. Прокопія, мученика Мамонта“; на пятомъ внизу надпись: „1700 года сей крестъ устроень въ честь Святу Богу отъ своихъ патріарша долгу Іеромонахъ Арсеній сроднымъ для вѣчныхъ поминовеній въ лавру Предтечи Іоанна града Вязьмы названа“. По удостовѣренію жены жертвователя, полковника Нейгарта, Анны Ивановны, крестъ сей въ 1812 году во время французской кампаніи отнять мужемъ ея отъ непріятели, каковой крестъ полковникъ Нейдгартъ еще при жизни своей въ 1830 году 10 Апрѣля пожертвоваль въ церковь. Цѣною 171 руб. 42³/₄ коп.

5. Крестъ серебрянный (рис. 4). стоящій на подножіи, нѣжной греческой работы, на подобіе сѣтки. Куплень 11 апрѣля 1793 года на войсковую сумму за 42 руб. 85¹/₂ коп.

6. Св. Евангеліе (рис. 2 и 3) величина 11 верш. въ большой листь, кругомъ въ серебряной, позолоченной оправѣ, съ обѣихъ сторонъ имѣеть по девяти обдѣланныхъ камнями финифтей, въ коихъ вдѣланы слѣдующія изображенія: Воскресеніе Господне, Господь Саваоѣ, Архистратигъ Михаилъ, Архистратигъ Гавріиль, Тайная вечеря, четыре Евангелиста. Евангеліе напечатано въ Москвѣ 1786 года индикта 5 мѣсяца Ноября. Оно поступило въ церковь въ 1793 года Мая 16 дня отъ Полковника Антона Головатаго. Цѣна 257 руб. 14¹/₄ коп.

7. Большое антидорное блюдо, серебряное (рис. 1). На немъ надпись: „Сіе антидорное блюдо сдѣлано собственнымъ коштомъ вѣрнаго войска Черноморскаго войсковымъ судьей, арміи господиномъ Полковникомъ Черноморской гребной флотиліи и главнымъ командиромъ и кавалеромъ Антономъ Андреевымъ сыномъ Головатымъ, въ церковь Свято-По-

кровскую Таманскую, року 1795 года марта 25 дня". Вѣсу 3 фунта 76 зол. Цѣна 142 руб. 82¹/₂ коп.

8. Большой колоколъ изъ мѣди разбитыхъ Войсковыхъ пушекъ, отлитый въ Херсонѣ для Покровской церкви Головатымъ въ 200 пудовъ. На колоколѣ надпись: „Сей колоколъ перелить войска Черноморскихъ казаковъ въ городѣ Тамани спрежде сооруженнаго отъ войска для Таманской Свято-Покровской церкви коштомъ и иждевеніемъ прихожанъ въ бытность войскового Атамана Полковника и Кавалера Бурсака 1806 года“.

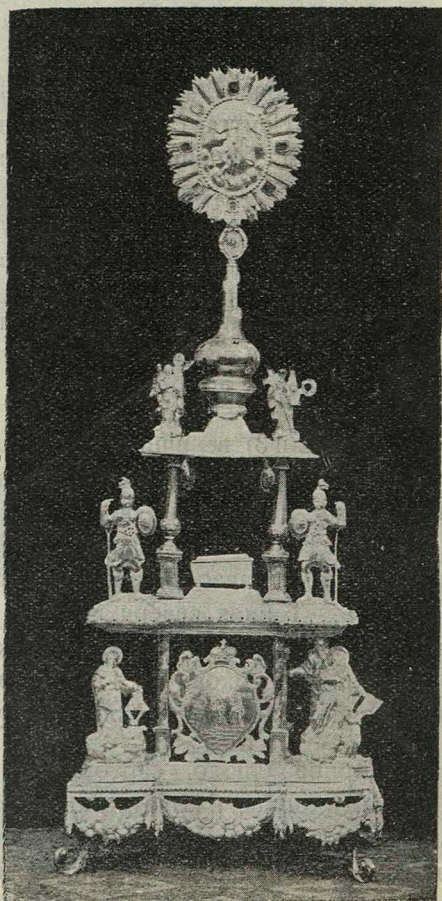

Рис. 8.

35383

22

ЕКАТЕРИНОДАРЪ
Электро-Типогр. Т-ва „Печатникъ“
— 1911. —

2007335189